33.36
Р95

Иван РЫНКОВОЙ

Исповедь „железного" Бати

Работникам
библиотеки
от всей души

20/XI-2004г.

33. 36
Р 95

Иван РЫНКОВОЙ

Исповедь «железного» Бати

(Воспоминания)

кр

МБУ «Централизованная библиотечная система»
Инв № 57130/6-(3)

057130006
Мегион ЦБ-КО

Мегион, 2004

ББК Р-84
(2рос=рус)6

«Исповедь «железного» Бати»

(Воспоминания Ивана Рынкового, нефтяника, одного из первых руководителей первого нефтедобывающего промысла в НПУ «Мегионнефть», покорителя легендарного Самотлора).

подготовка к публикации:
Е.Д. Балесная

верстка, дизайн:
Т.В. Юргенсон

портрет на обложке:
А.Ф. Мухаметова

В книге использованы фотографии из личного архива А.И. Антушева, из архивов МУ «СОШ №1 им. Норкина», Мегионского регионального историко-культурного и экологического центра Мегион современный – фото Е.И. Хрипиной

Автор этой небольшой книжки — Почетный нефтяник России и Самотлора, Почетный житель гг. Нижневартовска, Мегиона и с. Братковское. Нам, мегионцам, хочется думать, что выражения именно нашей благодарности являются для Ивана Ивановича Рынкового самыми дорогими. Во всяком случае, для Мегиона каждый период его деятельности является знаковым. Так было в середине 60-х годов прошлого века, когда Иван Иванович возглавил первый нефтепромысел на Мегионской земле. Так оказалось и в начале 80-х годов, когда он вернулся в «Мегионнефтегаз» первым руководителем и со всей присущей ему энергией взялся за развитие предприятия и города.

Я уверен, что его воспоминания о пережитом, о том, как вместе со своими товарищами и коллегами они создавали основу для промышленного развития всего Среднего Приобья, как строили и созидали, боролись и побеждали, будут восприняты с огромным интересом. Поэтому администрация муниципального образования г. Мегион выступила инициатором издания этой книжки.

О том времени, условиях, в которых работали первые геологи, строители, нефтяники, сказано и написано уже немало. Воспоминания И.И. Рынкового не только дополняют их с точки зрения человека, принимавшего решения и обеспечивавшего их выполнение, но и позволяют понять новому поколению нефтяников, как много и тогда, в коллективистском обществе, зависело от личности человека. Иван Иванович мало думал о себе, своей карьере. Все свои силы он отдал развитию нефтедобывающего производства, созданию условий труда и быта для людей. «Железный» Батя, Чепай — так называли его руководители и рабочие.

Издание этой книжки — еще одно выражение признательности мегионцев этому благородному и сильному человеку.

А.П. Чепайкин

«Современное поколение нефтяников должно знать, какой ценой давалась нефть Мегиона и Самотлора»

Иван Рынковой

Раздел 1.

Как я стал нефтяником

Босоногий мальчишка из кубанских степей

Босоногим мальчишкой из кубанских степей назвала меня телеведущая Валентина Леонтьева в одной из своих знаменитых телевизионных передач «От всей души». Было это в 1976 году.

Детство, да и юность мою, действительно можно назвать босоногими. Родился я в крестьянской семье 20 сентября 1937 года на Кубани: в селе Очеретоватая Балка Кореновского района Краснодарского края. Здесь же в 1953 году окончил семилетку.

Семья наша была большая, но бедная. Пятерых детей (один ребенок потом умер) мать воспитывала одна: отец умер, когда мне исполнилось всего два года. Жили трудно, с 9 лет, во время каникул, я начал подрабатывать в колхозе. Зимой в школу почти не ходил – не в чем было. А летом, чтобы я не отстал от программы, мне помогали учителя: Иван Сергеевич Черкашин, Лидия Васильевна Литвиненко, Иван Тихонович Коваленко. Всех уже и не помню, но вот с Лидией Васильевной до сих пор поддерживаю отношения.

Сейчас могу сказать, что благодаря именно моим учителям из меня получилось что-то стоящее. До пятого класса учился очень плохо, потому что был голый, босой и голодный. Дети войны, мы много хулиганили (правда, это было не то, что сейчас), обносили огороды… Нас ловили все, кому не лень, били…Короче, одно имя у нас было – «безбатченки».

Но, по-видимому, наши педагоги видели в нас нечто другое. Однажды Иван Сергеевич усадил меня рядом и завел разговор по душам: «Слушай, – сказал он, – я вот столько хорошего слышал о твоем

отце, а ты зачем так поступаешь?». Глубоко зацепили меня слова моего учителя. Тогда за первую четверть в пятом классе у меня было шесть двоек, остальные – тройки. Я дал ему слово, что в память об отце буду стараться. И уже к Новому году вышел отличником.

Когда собирались материалы для телевизионной передачи, Иван Сергеевич написал Леонтьевой: «У него от голода душа насквозь светилась, но он старался учиться…» И это была правда. Потом я уже не сдавал завоеванных позиций и семилетку закончил с Похвальной грамотой.

Каникул у меня, считай, что не было. Только заканчивались занятия, бежал работать в колхоз. В десять лет уже имел от колхоза за труд Почетную грамоту. После 7 класса мне доверили работу шнекиста на комбайне: я должен был разравнивать зерно. С детства приучился выполнять свою работу на совесть. «Почему кто-то должен сделать лучше меня?» – рассуждал я. Суровое детство закалило мой характер, воспитало волю. А еще мне кажется, что эти качества я получил в наследство от матери. Она была сильная женщина, добрая, и волевая. Нас, детей, всегда жалела. Бывало, жалуются ей хуторяне: дескать, твои Ванька с Гришкой опять огород обнесли… А она сядет и плачет: «Ну, зачем вы это делаете?»

Мама – это все для меня, святой человек. Даже тогда, в раннем детстве, я понимал, сколько материнской любви заключалось в ее сердце: в такое тяжелейшее время поднять детей… В молодости моя жена даже ревновала меня к мамаше, а сейчас говорит: как я тебя понимаю!

Семилетку я закончил, а вот что дальше делать, не знал. А как раз в 1952 году в Краснодаре открылся нефтяной техникум.

Пора взросления

Кому не знакомо детское желание скорее стать взрослым?! Но мы, тринадцати-четырнадцатилетние пацаны мечтали об этом постоянно. Свое взросление связывали с возможностью заработка, сытой едой, одеждой… К тому же, несмотря на свой возраст, я понимал, как тяжело приходилось моей матери. И мне изо всех сил хотелось ей помочь…

После окончания семи классов сходу убежал работать на комбайн. Тем более, что у меня уже был «свой» комбайнер, Федор Иванович, который охотно принимал меня. Позже, в студенческую пору, я постоянно приезжал в село подзаработать. Мы с ним и в передовиках ходили, знамена красные завоевывали.

В это лето Федор Иванович как раз получил первый на хуторе самоходный комбайн. Мне, мальчишке, было очень интересно и почетно жить этой жизнью. Конечно, хотелось учиться дальше. Но сам я не знал, куда идти, да и как это было сделать при нашей бедности? Кое-кто в селе так прямо мне и заявлял: никуда ты за панскими детьми не поступишь (были у нас на хуторе зажиточные люди).

В один из дней, когда в поле кипела работа, перед комбайном неожиданно возник директор нашей школы Иван Тихонович Коваленко.

– Слушай, – запыхавшись от быстрой езды на велосипеде, сказал он, – сейчас передали по радио, что в Краснодаре открылся нефтяной техникум. Отличников принимают без экзаменов. Давай, езжай! Ты поступишь!

Слову учителя, а тем более директора школы на хуторе доверяли. Вообще, учителя считались у нас самыми уважаемыми людьми. И велосипед, на котором ездил директор школы, также был признаком авторитета и достатка. Короче, я сходу решил: еду! Прибегаю домой и говорю мамаше: «Я еду учиться».

– Как? Куда? Ведь в доме нет ни рубля денег, – растерялась она.

Но меня уже было не остановить: я решил ехать этим же вечером. Быстро стираю единственную, латаную-перелатаную рубашку. А что ей сохнуть под нашим жгучим кубанским солнцем?! Мать тем времен побежала в колхоз выпросить у председателя 25 рублей на дорогу: билет от ближайшей станции Кореновска до Краснодара стоил тогда 12 рублей 50 копеек в один конец. Соседка пришла, принесла сала мне в дорогу и тоже давай меня отговаривать. А я ни в какую, не сдаюсь.

Председатель денег матери не дал. Нету, сказал, как отрезал. Мать в слезы, как же быть? А тут женщина одна оказалась рядом (приехала в хутор то ли из района, то ли еще откуда), достает 30 рублей и протягивает их матери.

– Возьми вот, для твоего сына. Пусть учится.

– Как же так, – запротестовала мать, – не возьму, я же Вас совсем не знаю…

В общем, прибежала мамаша домой с этими деньгами (мы до сих пор ищем эту добрую женщину, чтобы низко ей поклониться). До железнодорожной станции я добрался с военными, которые возили зерно на элеватор. Деньги решил сэкономить, думаю, доеду до Краснодара на подножках (чуть больше 70 км). А тогда много жулья всякого на крышах вагонов ездило. Меня приняли за такого же, и на одной из станций сняли. Привезли в Краснодар и закрыли в КПЗ вместе со шпаной. Я плачу, документов у меня никаких, одна похвальная грамота с собой: тогда ведь даже справку в колхозе или сельсовете взять было почти невозможно.

Утром следующего дня я получил крепкий подзатыльник и был выпущен на свободу. Зареванный, грязный, босой, в латаных рубашке и штанах, с караваем хлеба, шматком сала и похвальной грамотой в корзине я отправился на поиски техникума. К половине двенадцатого добрался до места. А техничка меня даже во внутрь здания не пускает, гонит.

– Иди отсюда, босяк!

Этот момент моей «битвы» с нею и увидела проходившая мимо Тамара Трофимовна Конькова. Как узнал я впоследствии, она преподавала русский язык и литературу, и, к тому же, в этот год была председателем приемной комиссии.

– В чем дело, молодой человек? – спросила она, и я впервые в жизни услышал такое обращение к себе.

– Так мне до директора надо, а она меня не пускае, – продолжал упорствовать я.

– А где твои документы?

В тот момент я еще не знал, что прием заявлений закончился, что желающих поступить во вновь открывшийся техникум оказалось слишком много, и среди отличников пришлось проводить дополнительный конкурс (таких оказалось шесть человек на одно место). Уже позже понял, что Тамара Трофимовна меня просто пожалела. Привела она меня туда, где заседала приемная комиссия, поставила в очередь. Стою, смотрю. Многие выходят из кабинета, плачут. От меня,

как от чумного, шарахаются. Все, понятно, приодетые, а я маленький, худой, никак понять не могу: чего плачут?

А тут Тамара Трофимовна выходит. Я к ней.

– Казала, шо без экзаменов принимают, а тут все плачут. Отдавай документы обратно!

Впустили меня с самой последней группой. Отвечать надо было по пяти вопросам: по Конституции, по русскому языку, геометрии, алгебре, физике. До сих пор жаль мне ту девчонку, с которой пришлось состязаться в физике. Никак мы не уступали друг другу, сильная она была. А потом дал нам Марк Гаврилович Фелистович, преподаватель физики, одну задачу. И ни я, ни моя конкурентка ее решить не смогли. Члены комиссии объявили, что мой путь решения является более верным, и отдали предпочтение мне.

И только после собеседования они выяснили, что нет у меня с собой никаких документов, даже заявления о приеме в техникум.

– Кем хочешь быть? – спрашивают.

– Буровиком.

– Кем?? Тебя ж труба придавит такого! Давай строителем, – предложил Алексей Семенович Шевчук, заведующий строительным отделением.

–А где грошей бильше плотят? – не желая расставаться с мечтой, спросил я. (Валентина Леонтьева потом эти мои слова на всю страну в своей передаче повторила).

Короче, забрал меня к себе Лев Соломонович Буслович, заведующий нефтепромысловым отделением.

– Деньги одинаковые, стипендия тоже, – подвел окончательную черту под разговором он.

Так я стал студентом. До мелочей помню то заседание приемной комиссии, всех преподавателей. Тайну моего поступления уже на втором курсе раскрыла студентам Тамара Трофимовна Конькова. Вся группа качалась от смеха. С тех пор и повелось – как захочется веселья на занятиях, так и просят ее: а расскажите нам, как Рынковой в техникум поступал?

Впоследствии не раз приходилось убеждаться, с какими замечательными, высокообразованными и духовно богатыми людьми свела

меня жизнь. А о добром их отношении к нам, студентам, и говорить не приходится. Лев Соломонович сразу после заседания комиссии забрал меня, вызвал коменданта, приказал постричь, одеть, накормить. К вечеру я преобразился. Тогда студентам-нефтяникам очень красивую форму давали: шинель, костюм, фуражку, ботинки. Для меня это было целое состояние.

Супруга Л.С. Бусловича заведовала в техникуме библиотекой. С книгами в то время тяжело было. Она, как мать, меня опекала. Очень хорошая женщина была, тоже еврейка. Всего себя отдавал работе и руководитель нашей группы Петр Дмитриевич Морозов. Все время ходил за нами, жил нашими проблемами и интересами.

Абсолютное большинство преподавателей было из числа настоящих российских интеллигентов, в том числе и директор школы Борис Григорьевич Праздников. Военный (полковник артиллерии), кандидат технических наук, человек высочайшей духовной культуры. Зная наши материальные возможности, он не только помогал нам (особенно мне и моим друзья Коле Смолякову, Вовке Родину, Мише Овечкину) устраиваться на временную работу, но нередко отпускал прямо с уроков на разгрузку вагонов. А подрабатывали мы каждые субботу и воскресенье. В связи с этим нередко возникали курьезные истории. Одна из них принесла немало огорчений моим близким, и директору школы даже пришлось отстаивать честное имя своего студента.

...На железной дороге в то время, как и во всей стране, действовали жесткие правила: за простой вагонов виновных отдавали под суд. Поэтому низкооплачиваемый труд студентов был всегда востребованным. У Миши Овечкина, как у фронтовика, были свои связи на станции, и ему частенько предлагали работу. Однажды мы разгружали стекло. А надо сказать, что это препротивное занятие: битого стекла много, и пока доберешься до основания... В тот раз денег нам не дали, хотя, как правило, рассчитывались за такую работу сразу. И стипендия к тому времени закончилась. Больше суток, без сна и еды, мы таскали стекло. Возвращаемся в общежитие, шатаясь от усталости и голода. А люди кругом гуляют (был праздник Первомая): на гармошках наяривают, поют, веселятся. Тут Вовка от злости и говорит: давайте кого-нибудь отлупим!

– А причем тут они? – отговорил его я. Хотя самому было обид-

но от такой несправедливости.

Вот такого чумазого, уставшего меня однажды и увидели мои земляки-хуторяне. И стали в селе говорить:

– Какой он там студент? Он по карманам на станции шарит, ворует.

Эти разговоры дошли до матери. И в один из дней прибегают ко мне из комитета комсомола.

– Рынковой! Бегом к директору, к тебе мамаша приехала!

Прихожу, она сидит у директора, плачет, а тот ее успокаивает: «Да Вы что, Ваш сын у нас отличник, его фотография на Доске почета висит!» Целых три дня тогда наблюдала мамаша за нашей жизнью и учебой. Поселили ее в общежитии, чтобы она сама во всем убедилась.

По записке Б.Г. Праздникова меня каждую практику устраивали на работу: тогда на рабочее место было очень тяжело попасть. Даже во время дипломной практики я трудился на месторождении. Впоследствии Борис Григорьевич работал главным инженером «Краснодарнефтегаза», и мы с ним там встречались.

Учился я хорошо, уже во втором семестре вышел в отличники, стал получать повышенную стипендию: 490 рублей. Был первым отличником в группе, а потом и вся наша группа оказалась одной из самых сильных в техникуме: из 24 студентов 20 имели повышенную стипендию. За такие успехи наш руководитель группы П.Д. Морозов получил грамоту Министерства образования.

Окончил нефтяной техникум в 1957 году. Конечно, мог бы сходу поехать в институт. Но куда? Без денег, без поддержки... Поехал работать. Выбор пал на Башкирию, сначала в «Ишимбайнефть», где генеральным директором «Башнефти» был Степан Иванович Кувыкин. На юго-западе Башкирии находились тогда самые старые месторождения, открытые еще в 1932 году геологом Иваном Блохиным.

С 1945 года в Поволжье началось развитие так называемого «второго Баку»: Башкирия, Татария, Оренбург... И через некоторое время – в феврале 1958 года меня и моего друга Ильюшу Лиходеда направили на северо-восток Башкирии во вновь созданное нефтепромысловое управление «Арланнефть» (по названию села Арлан, где

геологи нашли первую нефть, и в переводе с марийского «арлан» означает суслик). Там была пробурена первая скважина, которая дала промышленный приток нефти.

Раздел 2.

Если надо, значит надо...

Первые победы

Арланское месторождение занимало третье место во «втором Баку» после Ромашкинского и Туймазинского. В то время это были самые крупные месторождения в СССР.

Первую ночь мы с Ильей Лиходедом провели в конюшне, вместе со сторожем, а утром нам нашли квартиру в старинном красивом селе на Каме под названием Николоберезовка. Через эти известные исторические места проходил Гришка Распутин, когда шел с Тюмени, всем гостям и туристам там показывают и пещеры, в которых жил Пугачев.

Начинали мы, как и везде, с палаток и практически с нуля: первые два самосвала гравия на нефтепромысел Арланского месторождения завезли, как первые нефтяники, именно мы с Ильей. Работали день и ночь. Сначала старшими операторами, потом я стал начальником участка по добыче нефти.

Директором промысла был Толгат Зинанович Гардамшин, а начальником нефтепромыслового управления – Анвар Мавлюдович Байков. Из 129 работников промысла русских было всего 12 человек, остальные татары, башкиры, марийцы. На моем участке такой же расклад. Между прочим, работать с этими людьми было прекрасно, абсолютное большинство их показали себя хорошими специалистами. Параллельно я исполнял еще и обязанности секретаря комсомольской организации управления. Наш участок держал первое место по Башкирии. В 1962 году после вступления в Коммунистическую партию меня перебросили на отстающий участок – поднимать работу. Тогда

такая практика была очень распространенной.

На первом же собрании коллектива участка мне откровенно дали понять, что все мои попытки по наведению порядка будут обречены на провал: «Ты у нас уже девятый начальник, – откровенно заявили мне, – будет и десятый…»

– Посмотрим, – ответил я.

Молод был, горяч, стремился достичь поставленной цели, доказать свою правоту. Первое, что сделал, соединил все трапно-замерные участки (ТЗУ) связью прослушивания: протянули полевой кабель по столбам, деревьям. Участок объединял пять ТЗУ, соответственно – пять старших операторов. Кроме них у меня был еще мастер Степан Федоров, с Ишимбая. Что говорить, ситуация была непростая. Люди привыкли бездельничать, ответственности никакой, а тут еще решили нового начальника проучить. На трапно-замерные участки собиралась тогда вся нефть со скважин, а оттуда она качалась уже на нефтебазы. Короче, я приступил к задуманной операции: дал задание старшим операторам, а своему водителю Валентину Шмелеву (хороший был парень, здоровяк, все пел для меня украинские песни) говорю: «Едем на ТЗУ-9 к Алику Кабирову».

В обязанности старшего оператора входило обеспечение работы операторной, контроль за откачкой нефти, обход скважин (у Кабирова их было 19).

Приезжаем на место.

– Что сделал? – спрашиваю.

– Я 35 лет работаю, а ты приехал меня учить! – не скрывая пренебрежения, отвечает мне Кабиров.

И тут я ему предлагаю:

– Меняемся. Ты – начальник участка, а я оператор. Давай мне ключи, тетрадь, ручку. Давай лопату…

– А зачем лопату?

– Затем, – поясняю, – что оператор объединяет в себе несколько профессий: ты и слесарь, ты и автоматчик 5 разряда, ты и уборщик, и маляр, и замерщик. Замечай, что я буду делать!

Пошли мы. Кабиров следом, с такой вызывающей миной на лице…

Приходим к скважине. Первичный контроль был прост:

возьмешься рукой за полировку, холодная, значит, есть подача, а если теплая, значит, насос не работает. А у нас всегда были проблемы с ремнями. Смотрю – провисли. Спрашиваю, какой допустимый провес? Не знает. И вот начал я с 10 часов работать оператором. Лопатой земли накидал, подмостку всю сгреб, подтянул сальник. Идем дальше. Регулярно давал оператору передышку: садимся, и он курит. Спустя два часа он не выдержал, выхватил у меня ключи…

Уехали мы на другой участок, но не сразу. Я решил прослушать, о чем же будут переговариваться операторы между собой.

– Слушай, – звонит Кабиров Саберзянову на соседний ТЗУ, – ты что-нибудь делал?

– Да нет, ничего…

– Слушай, я тут два часа начальником участка работал… Скажу тебе, у этого не пройдет… Ты давай, начинай…

Ну, я выдержку сделал, к Саберзянову поехал через два часа, после обеда. Приезжаем, смотрю, все подметено, насос блестит.

– Молодец, Юра, – говорю.

Дальше был ТЗУ Гриши Губайдуллина, позже я его мастером поставил. С ним мы планировали поехать на другую скважину, где оператор должен был сменить ремни и запустить скважину в работу. А на том участке через протоки и ручейки было переброшено много деревянных настилов и мостиков, которые также следовало содержать в хорошем состоянии. Я знал, что один мостик был сломан и что оператор ничего не сделал, не починил.

– Ты поедешь по сломанному, – говорю Валентину.

– Зачем, Иван Иванович? Давайте «вольем» ему, пропесочим, он и так исправит…

– Нет, Валя, люди больше через собственную совесть понимают, «вливания» мало помогают.

Едем, тишина в машине гробовая, а Григорий бледный такой…

У мостика остановились.

– Вот с…! – сделал удивленное лицо Валентин. – Кто же это мостик разломал? Ведь был же в порядке!

Пришлось и мне подыграть: я сослался на занятость, необходимость срочно быть в другом месте, сказал оператору, что верю ему…

И что вы думаете, через год наш участок вышел на первое мес-

то в Башкирии. Сделали это те же люди, которые раньше не справлялись с поставленными задачами. Очень цепкими, хваткими оказались эти ребята: татары, башкиры. С ними лучше всего было работать. При этом у них так было развито чинопочитание. Когда я шел по деревне, мне почтительно вслед говорили: «Наш начальник идет!».

Надо сказать, мы много внимания уделяли, как теперь принято говорить, социальным вопросам: в свободное от работы время построили Дом культуры, который до сих пор работает в Николоберезовке, по субботам и воскресеньям помогали строить и мазать саманные дома бедным людям. Я бесплатно выделял транспорт старикам, направлял людей наколоть им дров. Через комсомольскую организацию находили самых старых участников войны, мололи им муку, помогали, чем могли. Сами занимались спортом. Через два года наша футбольная команда стала лучшей и заняла первое место по Башкирии среди нефтепромысловых управлений. Сам играл вратарем. При этом я запрещал массовые выпивки, дисциплину держал железную.

Арлан стал все чаще и громче звучать на всех совещаниях. К нам приехало немало выпускников институтов. Людей награждали орденами, давали звания. Подали и меня на присвоение звания Героя Социалистического Труда. Это была одна из самых высоких наград в СССР. Было тогда решение Центрального Комитета партии присвоить звание Героя лучшим нефтяникам, в том числе и начальникам участков: по одному из каждой республики. Секретарем обкома партии в то время в Башкирии работал Зия Зиевич Нуриев. Очень сильный и влиятельный был руководитель.

...И первые поражения

Все документы на присвоение звания Героя были уже подготовлены, однако получить мне его так и не довелось. Виной тому стала самая заурядная ситуация, каких в нашей работе было не счесть...

Едва ли не самой большой проблемой в нефтедобыче были порывы нефтепроводов. Арматура чугунная, аварии не успевали устранять. А там же в Башкирии сельхозугодья. Как зальет поле нефтью – урожай пропал. Было в той сфере немало своих недостатков, урожаи

собирали невысокие, до 19 центнеров с гектара, а писали 40. Но это к слову. Однажды произошел очень сильный порыв, мы возимся четвертые сутки, устали до изнеможения, аж в голове звенит. А тут приходит такой бай татарский, здоровый, властный (как потом оказалось, один из секретарей обкома партии). Никак не представился и сходу в крик.

– Ты что-о-о?! Не мог предусмотреть?!

А я, не долго думая (принял его за председателя одного из местных колхозов), взял и послал его непереводным словом. Тоже ведь горяч был, меня в молодости даже Чепаем звали. Этот высокий партийный чиновник, ни слова не говоря, развернулся и ушел. Дальше события разворачивались стремительно. Через два часа прибегает к нам начальник нашего промысла Т.З. Гардамшин и как понес на меня.

– Ты что, м…? Ты что наделал, ты же татарина послал! Надо же быть таким идиотом!

– А ты кто? – спрашиваю его

– Так я же порядочный татарин, а то бай!

В семь часов вечера уже собралось бюро райкома. Из одиннадцати членов бюро только один был русским – Витя Разумовский, фронтовик. Спорили они там до часу ночи: из партии исключить, с работы снять… Голосовать никто не хочет, четыре перерыва делали. Конечно, у меня авторитет к тому времени был уже неплохой. Ну, что, если я его послал?! Он ведь сам себя неправильно повел: пришел бы, представился …

Короче, вкатили мне строгий выговор и оставили на работе. Было это в 1963 году. Переживал я очень сильно. Надо сказать, что звездной болезнью никогда не болел, просто работал на совесть. Наверное, поэтому и переносить такое было тяжело. Вскоре начальник НПУ Байков ушел на главного инженера объединения, а на его место пришел Николай Сергеевич Князев. Умнейший руководитель, это сегодня отмечают все ветераны, которые когда-либо с ним работали. Обстоятельства здесь снова менялись, но к тому времени, в 1964 году начиналось освоение Тюменского комплекса, и я уехал на север, в Мегион, почти никому тогда неизвестный сибирский поселок.

МБУ «Централизованная библиотечная система
Инв № 57130/6-(3)

Почему я выбрал Мегион?

К моменту отъезда в Мегион я уже работал на Арлане заместителем начальника нефтепромысла, отвечал за добычу. Решение принял практически мгновенно, видать, сидела у меня занозой обида, хотелось еще раз испытать себя. Знал ведь, что будет очень трудно.

Князев и слышать не хотел о моем переводе. Не отдавал трудовую книжку, не разрешал снимать с партучета.

– Ты что, м…? – был он знатный матерщинник, мы его так и звали, хотя никогда не обижались: справедливый был мужик и великодушный. – Ты что наделал? Нас с тобой и так в Сибирь сошлют, а ты сам! Добровольно! Что тебе надо? – не успокаивался он. – Кругом порядок, свет, дисциплина, сам уже ходишь по промыслу в лакированных туфлях. И от всего этого собираешься уезжать?!

Николай Сергеевич долго не мог примириться с моим уходом. Даже попытался меня перехватить, когда я по пути в Москву заехал в Нефтекамск к своему другу Илье Лиходеду. Князев прислал машину на станцию, приказал своему шоферу доставить меня к нему домой, убеждал, ругал, уговаривал. Только после того, как я несколько месяцев отработал в Мегионе, мне отдали трудовую книжку и сняли с партийного учета.

Однако, если я принимал решение, то меня, как и в детстве, уже невозможно было остановить.

Предложение ехать на освоение нового месторождения мне сделал Арон Маркович Слипян, который тогда уже работал начальником вновь созданного объединения «Тюменьнефтегаз» (до этого назначения он возглавлял трест «Бурзападразведка»). Встретились мы с ним случайно. Он приехал к нам в НГДУ выбирать людей на освоение тюменских месторождений. Стоят они вдвоем с Князевым, а я как раз иду мимо.

– Ну, что, Рынковой, – обратился ко мне Слипян, – хватит тебе Арлана Поехали в Западную Сибирь!

– Я ему поеду! – мгновенно отозвался Князев.

– Если возьмете, поеду, – без колебаний ответил я.

Разговор состоялся примерно в 14 часов дня, в 16.00 я предупредил жену, а через два часа уже сидел в поезде. Через 12 часов был в

Тюмени. Даже Слипян удивился: как, ты уже здесь?!

Арон Маркович только спросил меня: «Ты куда хочешь: в Шаим, Сургут, Усть-Балык, Мегион?»

Мне было все равно, везде надо было начинать заново. Слово Мегион чем-то притягивало. Наверное, своим необычным звучанием.

– Давайте в Мегион, – поставил я точку в разговоре.

Получив направление, сразу же уехал домой – собираться в Сибирь.

Раздел 3.

Первая нефть Мегиона

От первой промышленной нефти до создания НПУ «Мегионнефть»

Первые нефтяники появились в Мегионе в 1964 году. В марте сюда прибыл Георгий Саммуилович Арнопольский. Приехал он из Татарии, где работал то ли мастером, то ли начальником участка. Буквально за короткий период с марта по август 1964 года Г.С. Арнопольский вырос от начальника нефтепромысла №2 Сургутского нефтедобывающего предприятия до исполняющего обязанности начальника НПУ «Мегионнефть». Эти факты его биографии отражают и процесс создания нового нефтедобывающего управления на мегионской земле.

С 1962 года хозяевами в Мегионе были геологи, а точнее, Мегионская нефтеразведочная экспедиция, которую возглавлял Владимир Алексеевич Абазаров. Хорошо помню двух его соратников, которых считаю незаслуженно забытыми: заместителя по общим вопросам Петра Ильича Печорина и главного механика Николая Михайловича Абраева.

Именно геологам принадлежит заслуга в обустройстве первых пяти скважин, пробуренных на Баграсе. У них была мощная по тем временам техника, и решением Центрального комитета Компартии им было поручено начать их пробную эксплуатацию. Обустраивал новое месторождение Омский участок объединения «Востокнефтепроводстрой», но все это происходило под руководством МНРЭ. Консультировали геологов и подрядчиков-строителей заведующий про-

мыслом №2 Г.С. Арнопольский и старший инженер (от Сургута) М.Г. Альхамов. Этим и объясняется тот факт, что открывать задвижку в день отправки первой промышленной нефти было поручено В.А. Абазарову. Было это 5 июня 1964 года. Значение этого события невозможно переоценить, потому что после отправки нефти на нефтеперерабатывающий завод руководством «Тюменьнефтегаза» было принято решение о создании не промысла, а целого управления. Что и произошло 1 августа. Обязанности начальника НПУ «Мегионнефть» исполнял Г.С. Арнопольский вплоть до приезда Бориса Ивановича Осипова, опытнейшего нефтяника из Сахалина, который проработал начальником НПУ до 1970 года.

Первым хозяином от объединения «Тюменьнефтегаз» на мегионской земле было Нижневартовское управление буровых работ. И вначале все наше оборудование, техника шли к буровикам. Примерно в 20-х числах августа в объединении был подписан приказ о передаче принадлежащего нам оборудования. После некоторых проволочек вопрос был решен, и НПУ «Мегионнефть» получило возможность решать свои производственные задачи в полном объеме.

Я ехал в Мегион, чтобы испытать себя

Уже гораздо позже, анализируя мотивы своего решения по переезду в Мегион, я пришел к выводу, что перенесенная обида была лишь поводом. Причина же сидела во мне самом. Главные задачи по налаживанию производства в «Арланнефти» были решены, к тому же, возглавляя участок, я приобрел немалый опыт. И теперь мне хотелось применить его в новых условиях, опробовать приобретенные навыки организаторской и управленческой деятельности. Другими словами, испытать себя. Внутренне я был готов к самым серьезным испытаниям, но действительность превзошла все мои ожидания…

Изначально я был назначен начальником второго нефтепромысла от Сургута, а уже по прибытии в Мегион стал первым руководителем нефтепромысла мегионского НПУ. В Тюмени по указанию обкома партии меня посадили на небольшой колесный пароходик ВТТ-7. До места назначения плыл семь дней. Это был конец июля, отпускни-

ков – море, и всем надо ехать срочно. Меня посадили на определенное место, а у большинства пассажиров такой роскоши не было. В дороге все, конечно, перезнакомились: ехал начальник экспедиции с Уренгоя, еще один с Каменного мыса и так далее. На третьи сутки я стал делить свое место с шестью попутчиками, жаль ведь людей… Правда, мне досталось лучшее время – с 12 ночи до 6 утра. А остальным – всего по три часа. Но они и этому были страшно рады.

Прибыл я сразу в Нижневартовск, встречал меня Леонид Вячеславович Аксарин, секретарь райкома партии. Хороший был человек, всегда имел свое мнение, отстаивал его, людей понимал и защищал. А это редкие качества. У нас потом с ним сложились неплохие отношения, я, можно сказать, был его учителем по нефтяным делам. Всегда, если что-то надо было выяснить, он звонил, приезжал. А если ехал со мной, все записывал в блокнот, хотя сам был очень грамотным и толковым.

И вот Леонид Вячеславович мне говорит: «Ваши размещаются в складе рыбзавода. Но их, по-моему, там сейчас нет». Определили мне сопровождающего, и я пошел. Все было очень просто – дали ключи, открываю, смотрю… Стоит один стол, сбитый из досок, на пол набросано сено, и сверху застелена плащпалатка. Здесь тебе спальня, здесь тебе столовая, здесь тебе и контора.

В Нижневартовск я прибыл в 14.47, а люди с работы вернулись только к вечеру. Первый, с кем я встретился из Мегионского НПУ, был Г.С. Арнопольский. Георгий Саммуилович сразу отправил меня в Мегион.

– Мне из Тюмени уже звонили. Слипян сообщил, что к нам едет знаменитый нефтяник Башкирии, – сказал он. – Вот Вам самоходка, я передал в Мегион, что Вы скоро будете на месте.

Плыть надо было часа четыре. На причале меня встретил бравый такой капитан Анатолий Петрович Сухоруков. Всю дорогу он посматривал на меня с нескрываемым сочувствием. «Я ведь знал, куда Вас везу, и что там твориться, – рассказывал он мне позже, – днем еще так себе, а к вечеру все пьяные в дым».

Приезжаю, и правда… Для меня это было хуже любой провинности. К тому же я понимал, что организовывать производство в та-

ких условиях крайне сложно. Сегодня, по истечению многих лет, не хочу скрывать, что пришлось освобождаться даже от некоторых руководителей и специалистов. Убрал начальника участка (не буду называть его фамилию), старшего геолога, еще кое-кого.

Так начался мой первый мегионский период деятельности. Сначала контора промысла размещалась в трех балках на берегу Меги, напротив старого здания геологии. Они стояли прямо на берегу, и этот участок сейчас уже ушел под воду. А потом мы переселились в деревянную двухэтажку (три таких здания нам по просьбе обкома партии еще весной выделил В.А. Абазаров). На втором этаже размещалась контора, а на первом жили мы сами.

Большагин – удельный князь Баграса

В числе первых нефтяников в Мегион приехали Иван Павлович Быковский (моя правая рука и первая подмога), ставшие впоследствии знаменитыми Рудольфы, Мартыны, а также Василий Петрович Троян, Павел Григорьевич Губенко, Никифор Миронович Вачаев, Назип Назипович Назипов, инженер-электрик Сергей Степанович Петров, мастер подземного ремонта Пантелей Иванович Баранников, Александр Иванович Суздальцев (его я потом забрал с собой на Самотлор, где он получил звание Героя Соцтруда). Немного позже приехали Бакаев, Большагин.

Евгений Васильевич Большагин – это отдельная история освоения Мегионского месторождения. Он был у меня начальником участка на Баграсе, отвечал там буквально за все: за производство, баню, пекарню, за школу и столовую. Его я называл удельным князем Баграса. Этот поселок из двух десятков домов достался нам от геологов. Жили в нем в основном рабочие. Много пришлось повозиться, чтобы добиться там порядка и дисциплины. Рабочий день заканчивался, и люди были предоставлены сами себе. Пьянки сплошные, многие напивались до белой горячки… Труд тяжелый, условия сложнейшие, жены, дети – далеко…

Я понимал, что в такой ситуации нужна жесточайшая дисциплина. Бывало, приеду в 12 ночи, а народ весь пьяный в стельку. И ружье на меня наставляли, и драться лезли… Но порядка мы все-таки

добились. Снаружи, правда, домики оставались неказистыми, зато внутри – чистота идеальная, уют, порядок, еда вкусная… Даже приезжие журналисты удивлялись. Была там у нас замечательная женщина Ольга Ильинична Троян, которая отвечала за эти дела. И с употреблением спиртного наладилось. Если надо было выпить, спрашивали у меня разрешения. Я всегда говорил: «Все понимаю, выпить иногда надо. Но не теряйте человеческий облик!»

Однако, это только одна сторона нашей борьбы за дисциплину. Большую работу вели партийная и профсоюзная организации. Это сейчас появилось такое понятие как стресс, а тогда о психологических нагрузках никто и не говорил. Долгое отсутствие мужчин сказывалось на обстановке в семьях. Мы получали массу писем от жен, которые жаловались на своих мужей, высказывали им упреки, сомнения, дескать, переженились все там уже… Первые два года мы вместе с секретарем партийной организации Никифором Мироновичем Вачаевым и председателем профкома Назипом Назиповичем Назиповым просто штамповали письма женам. Писали так: «Ваш муж очень достойный работник, осваивает Западную Сибирь»… И так далее. Письма с печатью и моей подписью неслись во все концы страны. Так мы сохраняли семьи и спокойствие своих работников.

Хочу подчеркнуть, что вести борьбу за дисциплину нам помогали сами же люди. Порядочных, добросовестных, ответственных было немало, на них равнялись, их мы ставили всем в пример. Я и сам, когда был злым, рассерженным, ехал смотреть, как работают Николай Назаров, Яков Мартын, Владимир Рудольф. Они уже тогда были настоящими мастерами своего дела, хорошими людьми.

Результаты появились скоро. В 1964 году перед нами была поставлена задача – добыть 40 тысяч тонн нефти, а мы добыли более 70 тысяч тонн. Люди, надо отдать им должное, трудились героически, не считаясь ни с чем. Уже в 1965 году мы получили грамоту как самый лучший нефтепромысел Министерства СССР. И к нам приехал кинорежиссер Стабулини, чтобы снять фильм о нефтяниках Западной Сибири. Героем фильма стал оператор Коля Назаров.

Дисциплина давалась непросто

Работа с людьми всегда требовала особых подходов. Никогда не разделял я производство и воспитательную работу, заботу о людях. Постоянно учился сам, учил других. Надо сказать, много в этом плане мне дала работа в комсомоле, я научился умению говорить с людьми, слушать их, понимать, я осознал, что невозможно решать производственные задачи, не создавая условия работникам. Сегодня есть немало руководителей высокого ранга, которые считают себя моими учениками. Однако работа с людьми сводилась не только к воспитательным мерам воздействия. Время было такое, что порой приходилось и за свою жизнь сражаться.

Однажды на Баграсе у строителей я разбил два ящика водки, и оставшиеся без выпивки рабочие полезли в драку. Но в тот раз все обошлось. В следующий мой приезд в самоходку сели трое, как потом оказалось, строителей. Смотрю, у них в руках веревка, большой камень. Ну, сели, да и сели. Попросились подвезти до Мегиона. Я в рубке, они рядом.

– Значит так, начальник, – говорит мне один из них, – или ты нам не мешаешь, или мы тебя сейчас в Оби утопим. Мы хозяева в тайге.

Показывают мне веревку и зовут на корму для разговора. Анатолий, мой капитан, не на шутку перепугался. Я ему тихо внушаю:

– Анатолий, их трое. У нас нет ружья, и ничего с ними сделать мы не сможем. Утопят меня, и тебя в живых не оставят. Поэтому прошу тебя, когда я оглянусь, ты резко крутани руль. Только сделать это надо очень быстро!

Спасение наше было в том, чтобы столкнуть непрошеных гостей в реку. К тому времени я уже профессионально спортом занимался, чувствовал в себе некоторую силу. Арнапольского 12 раз выжимал, он на шею мне садился… Летку-еньку (был такой модный танец) три минуты танцевал. Ну, это в хороших компаниях.

А на самоходке перила есть только впереди, на корме почти никакого ограждения нет. Короче, вызвали они меня туда, смотрю, камень, веревка уже приготовлены… Все в открытую, бояться-то некого.

– Ребята, – говорю им, – меня утопите, другого, но уже все, ушло то время, кончилось. Без дисциплины нефть брать невозможно. Надо бросать пьянки.

Я опираюсь на машинное отделение, а они стоят рядом. И ни в какую от своих требований не отказываются. Я тоже продолжаю их уговаривать.

– Давайте выбросим этот камень… Вам же жить и жить. Вы еще молодые, зачем вам это?!

И тут они полезли ко мне… Смотрю, один наклонился за веревкой. В этот момент я резко повернул головой и как дал сразу по всем троим руками и ногами… Тут и Анатолий помог, сделал все, как я просил. Непрошеные гости все одновременно оказались в воде. А мы пошли дальше на своей самоходке. Потом ходили слухи, что один из нападавших утонул, а двое, это я точно знаю, приплыли-таки к берегу.

Борьба с пьянкой была нешуточной, но про этот эпизод я никому не рассказывал.

Народ был разный, было здесь тогда немало и заключенных. На двух пароходах привезли «условников», которые делали изоляцию на первом нефтепроводе от ГУ-4 до Мегиона. Среди них было немало хороших работяг, но свое влияние на обстановку в жилых поселках и на производственных участках они оказывали. Как-то ночью встретили и меня. Один фонариком посветил мне в лицо.

– Нет, не трогаем! – говорит. – Это тот порядочный начальник!

А я всегда ходил спокойно в любое время суток, и никто меня не трогал. Не хочу о своих заслугах распространяться, но об одном не могу умолчать. Каждый раз, принимая то или иное решение, я спрашивал себя: а как ты потом будешь отвечать за это? Как твое указание скажется на людях, на их судьбах? Есть такой старый фильм, называется «Следы на снегу». В нем показана гражданская война здесь, в Сибири А тогда ведь всех командиров делали по подобию Чепаева. Вот и в этом такие же командир с комиссаром. Сидят они в избушке, совещаются, а кругом артобстрел, поселок занят белогвардейцами. Командир отряда и говорит «Рано утром будем брать поселок!».

– Нельзя так, – вступает в спор комиссар. – Много людей погу-

бим из местного населения, надо как-то выманить их из поселка.

– Зато выиграем неожиданностью и победим, – стоял на своем командир.

И так они доказывали друг другу свою правоту, пока комиссар не сказал:

– Нет, товарищ командир, нам за все придется отвечать, что было перед нашими глазами.

Этот эпизод из фильма я всегда держал в памяти, и каждый свой поступок сверял со словами комиссара. Они, как нельзя лучше, применимы и к нашему времени: в скором будущем некоторым придется-таки, как жареным карасям на раскаленной сковороде подпрыгивать, за все дела неправедные отвечать …

Мой главный принцип – никогда не унижать людей

Где бы я ни работал, всегда стремился делать людям добро. Был твердым, жестким, но личность никогда не унижал. Если злейший мой враг попадал в беду и нуждался в поддержке, я помогал… И это было незыблемо.

Работали у нас в коллективе Тимофеевы, муж и жена. Приехали они еще до меня, Тимофей Иванович прошел войну, работал старшим инженером, но недолго. Я убрал его за пьянку. Его жена Татьяна развернула самую настоящую войну против меня, вместе с мужем они немало кляуз сочинили, чтобы добиться моего освобождения от должности. В 1967 году на СП-8 проходило выездное заседание бюро обкома партии: рассматривали мое персональное дело в связи с очередной жалобой Тимофеевой, в которой она обвиняла меня в диктаторских замашках, писала, что я установил террор, крепостное право и пр., и пр. В стихотворной форме она доказывала членам бюро, что, если меня убрать, то в Мегион придет на производство автоматика, зацветут сады…

Я сидел на скамье и чувствовал себя как подсудимый. Откровенно говоря, ожидал, что в мой адрес посыплются обвинения. Чего греха таить, был молод, горяч, порой перегибал палку, требовал от людей сверх их возможностей. В таких условиях повод для обвине-

ний всегда можно найти. Однако тогда на бюро никто, кроме Тимофеевой, против меня не выступил. А когда присутствующие стали высказывать свое возмущение ее действиями, она заявила, что побежит на речку и утопится. И побежала-таки на Обь, правда, никто за нею не пошел. Поэтому она свою угрозу и не выполнила.

Надо сказать, тянулась эта канитель достаточно долго, и нервов они потрепали мне немало. Однажды Тимофеева даже пыталась в моем кабинете повеситься, давила мне на психику.

Прошло немного времени, и так случилось, что Тимофеевы попали в беду. Дважды я отменял решение профкома об отказе им в материальной помощи. Убедил, деньги им выплатили. И этот факт больше всего подействовал на женщину: во время праздничной демонстрации она чуть ли не на колени передо мной становилась: «Вы нас простите, это не мы! Это враги Ваши толкали нас на такие действия!»

Такая вот история. Много чего довелось пережить мне за три десятка лет работы в «нефтянке», но я все время верил в лучшие качества людей, знал, что можно добиться большего, если уважать их человеческое достоинство. Верил, что придет такое время, когда люди станут жить лучше, и им не придется прибегать к недостойным способам защиты своих интересов. Оставаться справедливым всегда сложно, иногда – даже небезопасно. Но это помогает увереннее и достойнее идти по жизни. Есть хорошая восточная мудрость: как бы человека грязью ни поливали, Справедливость выдержит, выживет и ударит пылью в глаза клевещущим. Справедливый дальше пойдет, а клеветник ослепнет и не найдет свой путь. Очень глубокий и правильный смысл заложен в этой притче.

Битва за нефть

Нефтяная отрасль пережила в своем развитии три этапа. Первый – начальный, когда месторождения только начинали обустраивать. Второй – это, пожалуй, самый благополучный период, что называется, золотой. Нефть лилась фонтаном, все планы перевыполнялись, коллективы, промыслы, люди получали награды, переходящие Красные знамена. Следующий этап характеризуется падением фон-

танной добычи и переходом на механизированный способ добычи нефти. Как показала жизнь, это оказалось очень трудным делом.

В середине 60-х добыча шла только летом. Так продолжалось до апреля 1969 года, когда был пущен первый капитальный нефтепровод «Самотлор-Альметьевск». Зимой мы занимались освоением разведочных скважин, обустройством скважин и нефтепроводов. А летом баржами отправляли нефть на Омский нефтеперерабатывающий завод.

Первую нефть мы брали из разведочных скважин, что касается эксплуатационных, то первую такую скважину, № 508, в 1965 году пробурила бригада Н. Исангулова. И именно с этого времени на Мегионском месторождении началось промышленное бурение.

Хочу подчеркнуть, что, несмотря на кажущийся легким с высоты сегодняшних дней фонтанный способ добычи, давалась нефть нелегко. Каждый день, в любую погоду и при любых обстоятельствах люди работали, не считаясь ни с чем. Без преувеличения, это была настоящая битва за нефть. Самой главной задачей являлась подготовка скважин, месторождения, нефтепарка и нефтепричала к наливу нефти. Сначала мы отгружали нефть прямо на Мегионском месторождении с барж (СП-8 и СП-28). К весне 1966 года был построен нефтепровод, связавший ГУ-4 и Мегионский нефтепарк. И для завершения всей транспортной цепи нужно было построить капитальный причал на Оби для налива нефти (в сторону Покура), лабораторию для анализа нефти, причем успеть сделать все это до начала навигации. А надо сказать, что до этого времени я ни Муравленко (Виктор Иванович Муравленко, начальник созданного в 1966 году главка «Тюменьнефтегаз»), ни Филановского (Владимир Юрьевич Филановский, главный инженер главка) не слышал.

И вот, с началом навигации получаем сообщение, что к нам едет Филановский. Начинал он свой объезд со Стрежевого, первого пункта по пути следования. Перед этим побывал в Юганске. Мы по рации связываемся с коллегами, слышим: того снял с работы, того наказал…

Ну, мы, в прямом смысле, день и ночь готовимся к отгрузке нефти. А у меня самый главный по причалам (он отвечал также и за работу парка) был Никифор Миронович Вачаев. Он столько рацпредложений подал за все время работы! И конечно, самая ударная наша

группа Владимир Яковлевич Рудольф, Яков Александрович Мартын. Это старшие, у них в подчинении еще рабочие. Начальство наше плывет на катерах следом за льдом, мы с трепетом ждем. Через два дня ко мне приходят и говорят:

– Уже прошли Колпашево, скоро будут у нас.

Часам к 11 я отошел проверять пожарные щиты и не заметил, как подошел катер. Смотрю, бежит Мартын.

– Иван Иванович, приехали! Там Арнопольский, Осипов! И еще кто-то!..

Ну, я пошел навстречу. А Филановский такой высокий, симпатичный.

– Ну-ка, показывай своего начальника промысла! – повернулся он к Осипову.

А мы все в робах, грязные… Борис Иванович на меня показывает: вот этот.

– Этот? – переспросил Филановский. – Все останьтесь тут, а ты, – обратился он мне, – давай со мной.

Сказать, что я не переживал, было бы неправдой, но подготовились мы все-таки неплохо. Образно говоря, даже петухи были нарисованы. С наглядностью был полный порядок. Плакаты по технике безопасности, все покрашено, разукрашено… Картинка!

– Видите, – обратился Филановский ко всем присутствующим, - сразу видно, где хозяин есть! А там какой бардак у нас! – и, когда мы чуть отошли в сторону, сразу в лоб спросил, – Что, помогают тебе?

– Помогают, – ответил я.

– Ты давай не бойся, говори правду!

Потом еще раз посмотрел на меня и скомандовал:

– Давай, Матвей (Матвей Маркович отвечал в главке за материально-техническое обеспечение), записывай: полуглиссер (только лично на промысел Рынковому!), катер и вертолет. И проследи, а то эти, – и показал на руководство нефтепромыслового управления, – отберут!

Когда мы после осмотра территории промысла вернулись обратно, Филановский сказал Осипову:

– Молодцы, Борис Иванович! К вечеру чтоб был список людей на премирование!

Все это происходило примерно в обеденное время. Затем гости ушли в город, а мне поручили к 16.00 доставить список. Филановский вызвал на вертолете еще и руководство со Стрежевого и на семь вечера назначил совещание. Я список подготовил, а себя, понятно, не включил. Борис Иванович, не читая, протянул список Филановскому. Тот пробежал глазами и к Осипову:

– А Рынковой (…), что у тебя там, балет справлял?

После этого мне здорово досталось от Бориса Ивановича. Премию мы, естественно, получили, да и по итогам года план добычи перевыполнили.

Фонтан нефти еще не иссякал.

Паводок 1966 –го

В 1966 году было страшнейшее наводнение. Паводок затопил всю мегионскую пойму. Баграс, все скважины, фонтанная арматура – все оказалось под водой. Скважины мы помечали буйками. Суздальцев, Быковский, Нижура, Назаров, Мартын, Рудольф, Михаил Аверьянович Лазарев и многие другие не знали сна и отдыха, обслуживая их. А от ГУ-4 до парка 26 километров. И вот этот нефтепровод диаметром 500мм, собиравший нефть со всех скважин Мегионского месторождения, всплыл. Ходит туда-сюда, как струна на гитаре. За время паводка пять порывов было по этой причине. Он же плавает, никакой фиксации нет. А нефть добывать надо! Ну, мы организовали дежурство круглосуточное: катера, люди, все необходимое оборудование.

Однажды часов в пять утра (жили мы тогда в деревянных домах) прибегает ко мне Фигунов, был такой заместитель у Абазарова. И будит всех нас.

– Вы что спите? Весь поселок уже в газе!

А если смотреть от нефтеразведочной экспедиции с берега, ничего не видно, кроме воды, сплошное море. И видно, как далеко бьет фонтан нефти. Нефтяное пятно к тому времени уже подходило к Мегиону. А тут же катера стояли с печками. Мы с Абазаровым выскакиваем из домов и к берегу.

– Давай, бери мой катер! – на ходу бросает он мне.

А у меня мотористом был оператор Гриша Клименко. Его Борис Иванович Осипов с Сахалина с собой привез. Я дал задание катеру разбивать нефтяную полосу, мы с Григорием взяли брезент с наветренной стороны, облили его водой.

– Будем бросать факелы, – скомандовал я.

Ситуация была очень серьезная. По Оби должны идти пароходы, это же вообще могло вылиться в целую катастрофу. Короче, зажгли мы факел – и сами попали во вспыхнувшую нефть. Она же двигалась языками. Мы-то брезентом накрылись, а вот Григорий, хоть и летел на скорости, руки себе обжег.

Не знаю, какой был взрыв на Хиросиме, но тут был ад… А нука, в радиусе полукилометра мгновенно загорелась нефть на воде! Такие смерчи были внутри, страшно было смотреть. Постепенно все это стягивалось-стягивалось к центру аварии. И пожар остался только в месте порыва. Надо перекрывать скважины, чтобы в нефтепровод не поступала нефть. Плыть – долго. Нужно что-то предпринимать. Сажусь на вертолет и – на Баграс. А куда высаживаться?!

– Давай, – кричу вертолетчику Саше Садову (интересный был парень из Улан-Удэ, кандидат в мастера вертолетного спорта, я его ковбоем звал), – высаживай меня на резервуар!

– Вы что-о? Я же Вас убью!

Я на него непечатной лексикой:

– Ты … за мою жизнь не отвечаешь!... Я тебе расписку напишу!

Тут мы увидели в кустах полузатопленную «Амфибию», ее к деревцу прибило. И я решил прыгать на ту часть «Амфибии», которая выступала из воды: тент и часть борта. Из-за берез вертолет не мог опускаться ниже 10 метров. Я был уверен, что тент натянут, и поэтому особой опасности не предвидел. Ну, и прыгнул… А там оказались инструменты, лопата… Как я на нее не нанизался, не знаю. Наверное, в рубашке родился. Лопата прошла вдоль тела, и у меня потом месяца три на теле черно-красная полоса не сходила (от домашних своих я, естественно, скрывал травму, чтобы их не пугать и не расстраивать).

От удара я потерял сознание. А невдалеке на катере дежурили операторы.

– Видим, – рассказывали они потом, – Саня какой-то мешок

кинул. Думали, как всегда, с продуктами.

Приплыли они ко мне, может, минут через 10-15, я к тому времени оклемался. Говорю им: надо закрывать все скважины. А на катере рации тогда не было, стационарная рация была на ГУ-4. И вот мы давай: я привязываю ребят по одному, а они ныряют в ледяную воду по очереди. И никто не возражал, не спорил: каждый четыре оборота задвижкой сделает, и наверх – его уже надо вытаскивать. Другой – снова четыре оборота, и так на всех пяти скважинах.

Вот так мы боролись с паводком.

Как я бегал по воде

Вода стояла целый месяц, пригружать нефтепровод было нечем, но на случай аварии мы уже сконцентрировали все необходимое оборудование, технику – баржу, плавкран, сварочный агрегат и пр. Так и плавали все время начеку. Людей отобрали самых ответственных и грамотных. Командовал этой аварийной группой Геннадий Викторович Нижура, а в ее составе были старший инженер Виктор Грицай, сварщик Паша Костюнин, Николай Нюняйкин, другие опытные рабочие.

Однажды иду на полуглиссере вдоль нефтепровода, смотрю – пузыри. Значит, нефтепровод начинает трескаться, если из него идет газ. Моим шофером и мотористом в это время (и полуглиссером управлял, и «уралом»- другая техника здесь просто пригодиться не могла) был Ваня Расохач. Я ему и говорю:

– Я сейчас разденусь и буду по трубе бегать, чтобы не потерять место начинающегося порыва. А ты давай быстрым ходом в Мегион, пусть Нижура выводит свою аварийную команду вместе с плавкраном!

После нескольких аварий мы уже нашли способ, как управляться с непослушной трубой: приподнимем, она на сгибе перемыкается, а мы сходу бандаж ставим, завариваем порыв.

Иван уехал, а я стою на трубе. Надо, конечно, представлять себе этот плавающий нефтепровод. Нефть по нему идет неравномерно, поэтому, когда поток сплошной, труба погружается в воду, а если он уменьшается, труба всплывает. И вот тот участок, на котором я остал-

ся, стал тонуть. Я побежал в другой конец. Труба и в этом месте начала погружаться. Я снова побежал, но уже в другую сторону. И вот бегаю по трубе туда и обратно. А волна была небольшая, и нефтепровод даже с расстояния ста метров не видно. Бегал-бегал я достаточно долго, даже устал. Смотрю, полуглиссер идет, примерно на расстоянии 400 метров. Как потом оказалось, начальник СУ-12 Володя Медведев в Нижневартовск ехал. Остановились. Я изо всех силу машу руками. кричу... Смотрю, подъехали ближе, опять стали. Потом они мне рассказывали, как оторопели, когда вдруг увидели, что голый мужик по воде бегает... Ничего понять не могли: голый, на воде, да еще и бегает... Мистика. Потом подплыли ближе, сняли меня с трубы. Я упросил их дождаться аварийной бригады.

Мои подъехали, подняли трубу. Без сварки в той ситуации было не обойтись, хотя у нас было запрещение Арнопольского: сварку не применять. Я снова взял всю ответственность на себя. Расчет оказался верным. Павлу, сварщику, сказал, что стану рядом, буду помогать. И мы все сделали, как надо, хотя вспыхнуть могло в любой момент. Но тогда риск был ерундовый.

Несмотря на паводок, этот летний период нефтедобычи мы также завершили успешно, план выполнили и премию получили...

Если «плачут» резервуары с нефтью

Непредвиденные ситуации случались постоянно. Однако я никогда не предпринимал непродуманных действий, всегда просчитывал ситуацию, находил инженерное решение проблемы. Рядом всегда были люди, и я должен был думать об их безопасности... Вместе с тем, интересы производства зачастую требовали оперативного, порой молниеносного реагирования.

Перед началом навигации 1967 года, когда мы, готовясь к отгрузке нефти, заполняли все резервуары, в Мегионском парке на верхнем резервуаре появилась течь. Он начал, как мы выражались, «плакать» по заводскому шву. А на следующий день должны были подойти баржи. Прилетел Арнопольский.

– Все работы немедленно остановить! – не принимая никаких

объяснений, скомандовал он. – Я уже сообщил в Тюмень, чтобы срочно вызвали аварийную службу и пожарных (они назывались фонтанщиками)!

На мой взгляд, это были излишние меры. Георгий Саммуилович перестраховывался. И я не мог не сказать ему об этом.

– Не лезь! – оборвал Арнопольский мои возражения и добавил для убедительности пару крепких словечек.

Он улетел, но по рации постоянно связывался со мной, отдавал указания, уточнял ситуацию. А мы тем временем стали готовиться к делу. Из троих сварщиков один согласился заварить трещину. Это был хороший парень, сирота, приехал к нам из Татарии. Из родственников имел только одну бабку. Есть такая специальная методика доктора технических наук Жука, так вот, я по ней все рассчитал, при какой температуре и как варить, чтобы избежать искры и взрыва газовой смеси. Этой подготовительной операцией командовал Н.М. Вачаев. Резервуар заполнили нефтью аж под задыхательные клапаны, чтобы не осталось газовой среды для возможного воспламенения (в этой ситуации для взрыва было достаточно 29-30 градусов), и легли спать. А в четыре утра подъем. Происходило это в мае, поэтому уже было светло.

Поднял Никифор Миронович нас со сварщиком на лебедке, мы латку наложили, заварили… А из Тюмени передали, что фонтанщики в 10 утра уже вылетают к нам ликвидировать аварию. Ну, я, понятно, Арнопольскому доложил, что баржи загружаются, что работа идет полным ходом. Тот, конечно, был страшно удивлен и разгневан: тем, что его не послушались, что так рисковали. Надо признать, опасность здесь была действительно большая. Я написал сварщику расписку, что, если он погибнет, буду содержать его бабку. Однако бумажка эта носила скорее формальный характер, ведь во время сварки я все время находился рядом с ним…

Мегионское месторождение – уникальное по своей геологической характеристике. Как по мощности, так и по проницаемости, гидродинамике. Эти особенности позволяли долгое время успешно добывать нефть фонтанным способом. Навигация 1967 года мало чем отличалась от предыдущих. Так же надо было выполнить большой

объем работ для отгрузки и отправки нефти. Причем в ледоход нам приходилось причал утаскивать в затон, а потом снова подтягивать его на место, в течение 4-х дней после ледохода успеть все закрепить, соединить шлангами и отгружать нефть.

Как раз в это время случилась авария на нефтепроводе. А баржи стоят в ожидании уже третий день. Приехал я на сборный пункт, а там начальник УТТ, главный энергетик, заместитель начальника управления по капитальному строительству… Я всех прогнал.

– Вон моя самоходка, чтоб я вас тут не видел!..

– Иван Иванович! Что Вы делаете?! – попытался остановить меня старший инженер промысла Виктор Иосифович Грицай. – Это же указание самого Арнопольского!

Через пять часов мне звонит Арнопольский.

– Кто дал команду не выполнять мои указания?

Поругались мы тогда крепко. Георгий Саммуилович поехал сразу к Осипову и заявил ему: «Или я, или Рынковой!»

Но я сказал так:

– Начальник промысла я, и отвечать мне! Буду докладывать постоянно о ходе работ, но мне не мешайте! Если до утра не сделаем, Вы меня уволите!

Собрал всех своих, и мы поехали ликвидировать аварию. К семи утра все было сделано, и баржи стали загружать нефтью.

Когда начались заморозки, и навигация уже подходила к концу, обвалился берег реки. Причал ушел под воду. Последние баржи, которые мы с Осиповым выпросили у речников, чтобы перевыполнить план, остались незагруженными.

В этих условиях я предложил такое оперативное решение: протянуть наливные шланги через «амфибии» (они же могут держаться на плаву), соединить их с баржой. Катером подтащить баржу к «амфибиям», и таким образом создать временную схему загрузки. Я написал капитану расписку (тот заявил, что к барже и близко не подойдет)… Конечно, люди рисковали. Но я был уверен, что выдержим и справимся. Так всем и говорил. Работали в болотниках, потому что самое высокое место было затоплено на метровую глубину. К четырем часам утра все было сделано. Когда ушли груженые баржи, мы за

пять дней восстановили причал.

Ситуации, требовавшие нестандартных подходов, случались практически ежедневно, естественно, в коллективе нарабатывался опыт, люди приобретали навыки. Однако каждый раз приходилось искать новый путь, и снова все рассчитывать, выверять, взвешивать…

В 1969 году во время подготовки к навигации на Баграсе потек булид (горизонтальная емкость). А тут как раз приехал представитель из технической инспекции. Старший инженер В.И. Грицай докладывает мне: останавливаем пять скважин из-за того, что потек булид, по шву. Поехали все вместе. Посмотрели, и я принимаю решение – будем заваривать трещину.

– Я запрещаю вам это делать! – зашумел инспектор РГТИ.

– Ну что тут скажешь! – обратился я к Виктору, – то один запрещает, то другой, а нефть нам добывать.

Уломали мы старика.

– Меня тут не было, я ничего не видел, ничего не знаю, – отмахнулся он от нас и как рванул оттуда. Мы долго потом смеялись, вспоминая его поведение.

Старшего инженера нефтепромысла Виктора Иосифовича Грицая (умнейший, толковый был специалист) я тоже отправил от греха подальше. Мы вдвоем со сварщиком заполнили булид до отказа, заварили. Вся эта операция уже была нам знакома.

Сейчас, спустя много лет, я уверен, что действовали в таких аварийных ситуациях мы правильно, и несчастья не случались именно по той причине, что все наши решения, даже самые рискованные, предваряли инженерные расчеты, анализ. При максимальной опасности, чтобы уберечь людей, я брал ответственность на себя. За 30 лет работы на Севере шесть раз писал письменные расписки на такие случаи. Почему я живой? Почему живы люди, которые вместе со мной шли на осознанный риск? Потому что шашками, как кое-кто иногда представляет, мы не махали… Думали головой…

Культбудки в Оби

В паводок случился однажды большой шторм. Я в это время находился в Нижневартовске. По рации связался с операторами, которые находились на ГУ-4. Вода прибывала настолько стремительно, что не все успели среагировать. Наши культбудки понесло течением.

– Мы можем утонуть! – кричали мне операторы.

– Привязывайтесь тросами к трубе! – предложил я им единственный в такой критической ситуации выход. На ГУ-4 тогда были Хакимов и Бакиев. (Приходилось в прессе читать, что там еще дежурил Нюняйкин. Неправда это, его там и близко не было). И они успели привязаться. От них же я узнал, что другого оператора Юрия, который тоже стоял на вахте, с его культбудкой унесло водой к СП-28. Последнее, что он успел передать по рации: «Меня несет в Обь!»

Я бегом на берег, к катеру. У меня к тому времени уже был «Ярославец». Вся команда жила прямо в кубриках, домой не ходили, поскольку обязанности у них были сезонные: зимой отдыхают, а в навигацию все время на плаву. Здесь спят, еду готовят, и в любое время должны быть готовы к работе.

Прибегаю на берег, а волна на Оби пошла такая, кошмар… Капитан, естественно, выходить отказывается.

– Вы что, Иван Иванович! Меня же перевернет, такой шторм!!

Я его чуть не прибил, схватил за грудки…

– Там люди погибают!. . А ты?! Только плыть, другого решения быть не может!

Короче, поплыли мы. Прошли уже почти полпути, вижу, тяжело…

– Давай, вон в тот тальник заворачивай, – говорю я капитану. – Переждем до рассвета. Все равно при такой волне мы ничего не сделаем.

Шторм к тому времени стал стихать. За тех двоих операторов, которые успели привязаться, я был почти спокоен, а вот Юрий… Подплыли к СП-28, его нигде нет. Я уже вызвал по рации Гришу Клименко на двухмоторной лодке. Он быстро подошел. Искали долго, и через время в зарослях увидели: сначала культбудку, а потом и самого Юрия. На дереве сидит, зацепился… Мы его снимать, а он орет: не

подходите, вы меня убьете! Еле-еле стащили. Тогда Баграс весь затопило, мы едва успели всех людей вывезти. Такое было сильное наводнение, но из людей никто не пострадал. Юрий отошел только дней через пятнадцать, немного еще пожил в общежитии и вскоре совсем уехал из наших мест.

Выговор за экономию

Одним из существенных недостатков советской системы хозяйствования была, на мой взгляд, недооценка материальных стимулов на производстве. Хотя собственная практика каждого руководителя подтверждала обратное. В 1965 году правительство приняло хорошее постановление (его в нашей среде называли «косыгинским» – по имени Председателя Совета министров Косыгина), которое разрешало до 50 процентов сэкономленных средств выплачивать работникам в качестве премиальных. В 1967 году первым в министерстве я ввел подобную практику на своем промысле. Дал задание бухгалтеру Воробьевой и экономисту Лениной произвести необходимые расчеты. Приходят они ко мне и показывают: на каждого оператора промысла приходится 6 лопат, 4 топора, 8 ведер, 21 ключ, замков на щиты управления – 8 штук и так далее.

Собрал я собрание. А в группе операторов был Михаил Аверьянович Лазарев. Мы его называли «домостроевец» за то, что он жене деньги выдавал по строгому учету. Степенный такой, лет под 45.

– Михаил Аверьянович, – обратился я к нему в присутствии всех работников, – вот ты самый хозяйственный из нас. Сколько лет у тебя дома используется одно ведро?

– Лет десять, – ответил он.

– А лопата?

– Столько же.

– А топор?

– О-о, топор у меня еще от бати! Иван Иванович, а почему Вы спрашиваете?

– А потому, – отвечаю, – что ты вредитель! Нанес ущерб государству, угробил за год восемь ведер, шесть лопат, четыре топора…

Не сразу, но люди приучились экономить, я стал платить им

премиальные. Сделал на основе фонда мастера фонд начальника промысла, чтобы не допустить субъективизма, личных симпатий и пр. Мне же вскоре выговор объявили по министерству, за неправильное использование средств.

Однажды приезжаю на промысел, а там снабженцы привезли чугунные задвижки. Разгружают их и бросают на землю. А старшим оператором был Степан Бузарецкий, украинец, маленький, полтора метра с кепкой. Слышу, он кроет вдоль и поперек грузчика:

– Ты шо, (…), делаешь?! Мини Рынковый 50 рублив дав, шоб я оце все бериг!

Надо сказать, что эти задвижки были для нас постоянной головной болью. Мехмастерская работала на пределе из-за того, что приходилось постоянно точить детали к ним. Чугун хрупкий, бросишь – задвижка тут же и треснула. Конечно, слова оператора были для меня бальзамом на сердце. День ото дня я убеждался, что люди начинали болеть за сохранность материальных ценностей. Придумали, например, как можно вырезать прокладки разного размера из поронита, чтобы сэкономить материал и увеличить их выход.

Постоянно не хватало у нас и электродов. Как пошел сварщик в лесок, так и бросил там… Потом решили сделать так называемые подкурники с подставочками: если оставалась часть электрода от сварки, складывали туда.

Вот такие результаты мы получили, дав людям почувствовать прямую материальную заинтересованность. Прекрасное постановление было принято, но его вскоре выхолостили различными директивами, дополнениями. Хотя даже капиталистический мир использовал такие методы. И использует сейчас. Взять Японию – не имеет ничего, кроме рыбных ресурсов. Это же экономическая свинья, которая копается в объедках цивилизованного мира, а какой результат?! У нас народ умнее, такие высокие технологии разрабатывает! А вот внедрить их сами не можем. В свое время я был заслуженным рационализатором Российской Федерации. Основательно занимался этими делами, а потом бросил: столько бюрократизма развели, непостижимо! Очень много толковых предложений, изобретений рождали тогда и наши люди. Если бы все это было внедрено…

Раздел 4.

Самотлор начинали осваивать мегионцы

Мегион оказался сказкой по сравнению с Самотлором

В 1965 году был открыт Самотлор. А поскольку стране позарез нужна была нефть и валюта, Центральный комитет КПСС принимает решение без подсчета запасов начать пробную эксплуатацию Самотлорского месторождения. Это был беспрецедентный случай в мировой практике.

Начать освоение уникального месторождения поручают НПУ «Мегионнефть». И в сентябре 1968 года меня перебрасывают туда на должность начальника нефтепромысла. Свои первые впечатления от Самотлора я получил, когда летом пролетал над ним в самолете. «Как же тут можно работать?», – думал я обескураженно. – Ведь одни болота кругом!»

После приказа о назначении собрал своих подчиненных на первый разговор.

– Страшное дело, ребята! – говорю. – Мегион – сказка по сравнению с Самотлором. Я никого не обязываю, с собой возьму только добровольцев. Кто хочет идти со мной?

Последовавшей реакции даже я был удивлен: поднялся весь промысел.

Но для начального этапа мне нужно было всего несколько человек. Очень просился В.П. Троян. Но я его не взял. Фронтовик, он и в Мегионе хлебнул немало. А вот Нижуру поставил начальником участка. Первой нашей задачей была доставка оборудования. Строитель-

ную площадку, с которой должно было начаться освоение месторождения, готовило СМУ-5. Считаю, что незаслуженно забыт его начальник Василий Васильевич Баланшин. Его дела, заслуги приписывают сегодня другим. Получилось так: кто на виду, тому и слава. На самом деле именно Баланшин, профессиональный охотник и строитель из Иркутска, первый из промысловиков (после меня), пришел на Самотлор. Он вместе со своими людьми начинал воплощать в реальность то, что до того времени существовало только на картах и схемах.

Мы выбрали первые площадки под ДНС (дожимные насосные станции), КНС. Буровую установку тащил туда знаменитый начальник вышкомонтажного управления Борис Горов, монтировал ее опять же знаменитый Закирьян Бадретдинов. Бурить доверили Степану Повху и не за какие-то особые заслуги, а потому, что Гена Левин не успевал. Первую эксплуатационную скважину, 200-ую, выдавал Р.Н. Мухамедзянов (нынешний вице-президент НГК «Славнефть»). Они, что называется, ползли по болоту. (Мухамедзянов с 1965 года был начальником геологического отдела «Мегионнефти» у главного геолога Литвакова).

Конечно, нам помогло, что была зима, что стояли большие морозы. Дорогу к первой скважине, уже лежневку, пробивал первый начальник дорожно-строительного управления Василий Васильевич … (умер от инфаркта в апреле 1969 года).

2 апреля 1969 года 200-ая дала нефть – 1500 тонн в сутки! Нам двоим: мне и Степану Повху доверили открывать задвижку, чтобы пустить первую самотлорскую нефть. Тут тоже хочу уточнить: знаменитое «Нефть пошла!» не Степан сказал. Это ему уже потом приписали. Это крикнул какой-то оператор, а потом я и Повх тоже стали кричать. Чтобы поджечь факел, кто-то стрельнул из ракетницы. Кажется, это был Нижура или Нюняйкин.

Первый замминистра Оруджев, присутствовавший на пуске скважины, обнял горячую трубу (нефть же в пласте горячая) и заплакал.

– Вот это наша кормилица! – воскликнул он, а потом повернулся к нам и добавил, – Скважину надо ласкать, как женщину, тогда она будет давать много нефти!

Эти его слова потом долго обсуждались и повторялись при каж-

дом удобном случае. Вот так мы начали осваивать Самотлор. В стране, конечно, таких дебитов еще не было.

Повх через год погиб, утонул на рыбалке. Героем его сделали уже потом, хотя я считаю, что ничего героического он не сделал. Вскоре было создано НГДУ «Самотлорнефтегаз», и меня перевели туда начальником главной инженерной службы.

Я и в штабе ЦК не терпел вранья

Самотлору уделялось огромнейшее внимание, и это понятно. Сразу после открытия он вошел в десятку крупнейших месторождений мира. Его освоение находилось под постоянным контролем Центрального Комитета партии и Правительства. В Нижневартовске был сформирован так называемый штаб ЦК, который готовил пуск нефтепровода «Самотлор-Альметьевск» и подготовку самого Самотлора к круглогодичной эксплуатации. Я также входил в этот штаб от нефтяников и отвечал за обустройство месторождения. Штаб собирался один раз в два дня, и на каждом заседании шел «разбор полетов»...

Секретарем горкома партии был тогда Василий Васильевич Бахилов. Изумительный человек, большого ума и такта, талантливый руководитель. Однажды он мне говорит:

– Нам на укрепление на должность управляющего трестом «Мегионнефтестрой» прислали опытного руководителя – Ивана Ионыча Трегубенко.

Этот трест от Главка занимался обустройством КНС, ДНС. В это время как раз стояла задача срочно запустить насосную станцию со всеми объектами, в числе которых была и подстанция. И вот новый руководитель каждый раз докладывал на штабе, что сделано. Надо сказать, сроки по пуску больших и малых объектов всегда устанавливались жесткие, и за срыв виновные получали на всю катушку. Тем более, все находилось под контролем ЦК.

И вот я слушаю: врет Трегубенко (а строители всю жизнь врали!). К тому же, стали замечать, что и к людям у него проявлялось какое-то пренебрежение. Ездил всегда на объекты со своим референтом, молодой женщиной, которая, как вскоре выяснилось, была еще и

его любовницей. Орал там на людей, грозился увольнениями, а референт все записывала… Потом на штабе требовал наказать одного, другого…

– Я думаю, что дела не идут, – говорил он вначале. – А тут одни хохлы, оказывается… у них же только до обеда и варит.

И это несмотря на то, что у самого фамилия тоже была украинская.

Я послушал-послушал отчет, промолчал. А когда вышли все, подошел к Трегубенко и говорю:

– Иван Ионыч, Вас неправильно информируют начальники управлений! Ситуация на объектах несколько иная…

Он посмотрел на меня снисходительно.

– Вы еще молодой! – только и проронил. Сам Трегубенко был достаточно пожилым человеком, лет под 65.

Ситуация повторилась снова в марте. Иван Ионыч докладывал на штабе, что на подстанции уже идет укладка кабеля…

Заседание началось в 19.00, а двумя часами раньше я как раз заехал на объект, посмотреть обстановку. Какая укладка кабеля!? (Надо было в бетонные лотки шириной 4 метра уложить до двух десятков ниток кабеля длиной 200 метров, а до этого надо кабель еще выровнять – по два в день, не больше.) Там катерпиллер только два раза прошел, чтобы снять мерзлый грунт.

И я не выдержал.

– Вы извините, Иван Ионыч – сказал я, – Вас неправильно информируют.

– Кто он такой, чтобы меня перебивать? – повернулся Трегубенко к Бахилову, - Что это такое? Что происходит? Я знаю, что говорю…

– А я настаиваю, что положение дел иное, – упорствовал я. – Вы врете нахально!

– Сопляк!! – сорвался Трегубенко.

Перепалка разгорелась нешуточная. Бахилов бросился нас успокаивать. И тут я предложил:

– Прекращаем заседание штаба и едем на КНС-3! Если я вру, исключайте меня из партии! А если Вы врете, тогда надо наказывать Вас!

В этот день Ястребова, начальника штаба ЦК, не было на месте. И все бросились меня уговаривать: не надо, зачем и так далее…

Но я настоял, и мы поехали. Взял троих членов штаба с собой, на месте мы составили акт. Трегубенко тогда сняли с работы, и он вскоре уехал на Украину, вместе со своей референтшей. Высокий покровитель помог ему и там занять хорошую должность.

Этот пример характерен для того времени. Боясь взять на себя ответственность, стремясь во время отчитаться и хорошо выглядеть в глазах высокого начальства, многие руководители пользовались такими приемами. Но, как ни крути, объемы работ все равно выполнять надо. И получалось, что в итоге страдало качество, страдали люди. Надо сказать, у рабочих такие руководители авторитетом не пользовались.

Разные люди были и на партийной работе. Сейчас другие времена, и нередко роли партийных органов, вкладу людей, в них работавших, дается огульная и несправедливая оценка. Как бы ни ругали партийную власть (мне и самому нередко доставалось по партийной линии), но она во многом помогала делу. Среди партийных работников было немало хороших организаторов, чутких руководителей. Хорошую память о себе оставили Борис Евдокимович Щербина, секретарь Тюменского обкома Геннадий Павлович Богомяков, секретари Нижневартовского горкома Василий Васильевич Бахилов и С.Д. Великопольский, секретарь Нижневартовского райкома Леонид Вячеславович Аксарин, а также Сергей Иванович Денисов и многие другие. Они всегда были в гуще народа, прислушивались к нам, специалистам, и к жестким мерам прибегали только в крайних случаях.

Умалять заслуги этих людей нельзя.

На Самотлоре меня тоже снимали с работы

Нередко сдача того или иного объекта приурочивалась к какой-нибудь праздничной дате. Когда я работал в НГДУ «Самотлорнефтегаз» начальником главной инженерной службы, нам поставили задачу запустить КСП-9 (комплексный сборный пункт) ко дню рождения Ленина. А там работал начальником цеха Сергей Муравленко, стар-

шим инженером был Гумерский, старшим технологом – Володя Никишин и технологом по подготовке и перекачке нефти – Анатолий Сенев. Контроль, как и всегда, жесткий, постоянно надо докладывать в горком, обком, Главк. Мы день и ночь крутимся, но к назначенному сроку не успеваем.

Начальником НГДУ «Нижневартовскнефть» был Роман Иванович Кузоваткин, но на банковских документах подписи ставил я. Такой порядок давал будущим эксплуатационщикам право контроля качества строительных работ.

Короче, сроки поджимают, надо подписывать акт госкомиссии. И снова конфликт: все подписали, а Рынковой – нет. Не мог я этого сделать. Там не то что акт госкомиссии, там акт рабочей комиссии еще нельзя было подписывать!

– Поймите, – убеждал я, – нельзя так делать! Будем работать день и ночь, чтобы сдать КСП, но липу подписывать не буду!

– Ты, что, самый умный? В обком уже ушел доклад о вводе в строй сборного пункта! А ты срываешь?! – как понеслись на меня все.

Роман Иванович тоже попытался меня уговорить.

– Хочешь, подписывай, – сказал я ему. – А я не буду делать этого прежде времени.

Кузоваткин подписал акт, но банк документы не пропустил.

О ситуации доложили министру, и вскоре пришел приказ о снятии меня с работы. Через время приехала партийная комиссия из ЦК, по ее решению меня восстановили в должности, некоторых же, наоборот, поснимали.

Этот случай был тогда уроком для многих.

Операция «пробка»

Спустя некоторое время я стал реже бывать на заседаниях штаба ЦК и принимал участие в его заседаниях только по вопросам подготовки Самотлорского месторождения к круглогодичной эксплуатации.

Готовим к сдаче узел задвижек (он и сейчас находится в том же

месте: напротив нефтеперерабатывающего завода в Нижневартовске, через дорогу). И тут произошло «ЧП» - снабженцы привезли задвижку, но без разгрузочной пробки. Где-то потеряли. Ну, и началось тогда... Работа стала, все друг друга обвиняют, ругаются... не передать! На бюро горкома обсуждают этот вопрос. Никак не могут подобрать злополучную деталь. Даже операцию придумали с названием «Пробка».

А дело не движется. И вот мне передают по рации (у меня в машине рация была установлена) сообщение, что на 19.00 назначено заседание бюро горкома партии и что, скорее всего, такого-то руководителя будут исключать из партии за срыв пуска узла задвижек ко дню рождения Ленина. Я на часы посмотрел: время обеда, 12.30. Заворачиваю и – на объект. Приезжаю, там мат такой стоит – это руководители никак договориться не могут, что делать! А кругом рабочие, ждут...

Я всех выгнал.

– Роба есть? – спрашиваю Ивана Ивановича Капитанова, начальника СМУ-15.

– Есть – отвечает он мне.

– Где сварщик?

Смотрю, на трубе баба сидит, здорова-а-я такая, дородная, как у Некрасова: коня на скаку остановит, в горячую избу войдет. Под метр восемьдесят ростом. А погода стояла теплая, середина апреля как раз была. Подхожу к ней.

– Вы сварщик? Не боитесь варить?

Эх, она на меня как поперла непечатным текстом!

– Да я по всему Уралу варила! А эти м..., губошлепы тут сидят, простое дело сделать не могут! Третий день тут задницей трубу грею!

– Все понял, – говорю я ей. И к Капитанову:

– Давай вези другую пробку! Я перетяну ее на перекос, и заварим. Сделаем трехслойную изоляцию. Двадцать пять лет стоять будет!

– Не дам! – сопротивляется тот.

А у меня с собой были печати. Пишу начальнику СМУ расписку о том, что я ему приказываю доставить пробку отечественного производства (вместо импортной) и всю ответственность по ее установ-

ке беру на себя.

В управлении тогда работал знаменитый изолировщик Фролов, мы его потом представили на звание Героя Соцтруда.

– Ты давай, разводи котлы для битума, – говорю я ему. – Маляров давай сюда на покраску!

И закипела работа. Мы вместе со сварщицей залезли на трубу, я затянул пробку, а она заварила ее намертво. Какой же классный шов у нее получился! Я готов был расцеловать ее за такую работу!

Заставил до блеска вычистить трубу возле пробки, чтобы убрать всю ржавчину (три десятка металлических щеток приказал срочно доставить со склада). Наложили усиленную трехслойную изоляцию, загорнули, закопали, все разровняли. Вокруг… поставили ограждения, таблички по технике безопасности. К 17.30 все было готово.

Я всех разогнал, а Фролову говорю:

– Ты в лесок отойди, стой и смотри! Как приедут проверяющие, подойдешь к ним.

Подъезжают, смотрят: задвижка стоит, даже обороты написаны, куда, в какую сторону крутить… Все, что положено по технике безопасности.

– Как же так? В двенадцать часов еще ничего не было, а сейчас… Откуда? Каким образом?

А тут Фролов подходит.

– А что? – говорит. – Тут Рынковой приехал, всех разогнал, что-то тут установил. И мы все закончили.

Члены комиссии ко мне, а я им отвечаю, что Фролов ошибся. Что это не я, а рабочие сделали. Надо сказать, моему слову они поверили, хотя и продолжали требовать объявления выговора руководителю, виновному в потере задвижки.

Я все-таки настоял на отмене. Дело ведь сделано…

От тюрьмы меня спасла случайность (или мое упорство?)

На Самотлоре моя личная судьба складывалась в целом благополучно. В 1970 году меня перевели в «Нижневартовскнефть», а после преобразования НГДУ в объединение я стал начальником главной

инженерно-технологической службы. Нефть здесь также добывалась фонтанным способом, планы перевыполнялись, ставились рекорды. Так было до 1973 года, когда в результате взрыва на территории нефтепарка погибло 13 человек.

У этой трагической истории была своя предыстория.

Согласно проекту, Самотлор должны были вывести на добычу 70 млн тонн нефти в год. Соответственно, все обустройство месторождения велось на основе проектных цифр. Однако стране нужна была нефть, Центральный комитет партии давил: давайте, наращивайте добычу! Директивы с подобными указаниями шли беспрестанно. В итоге объединение вышло на уровень в 100 млн тонн! Техника, оборудование такой нагрузки не выдерживали. Сепарационные установки первой ступени (в них газ отделялся от нефти) ходили ходором. Из-за большого потока нефти газ не успевал отделяться от жидкости и через клапаны выходил наружу, оседая у поверхности земли. Ветром газ уносило в атмосферу, но в тихие погодные дни он скапливался в таких концентрациях, что достаточно было чьей-то незначительной оплошности, случайной искры… Такая случайность не заставила себя ждать.

…13 августа 1973 года была суббота. Стояла сильная жара, и день был абсолютно безветренный. Я вообще за все свое время пребывания на севере не помнил такой жары.

Надо сказать, что к этому времени я уже в течение полугода как не отвечал за деятельность нефтепарка. В связи с тем, что в НГДУ появилась такая должность как заместитель начальника по подготовке и перекачке нефти (на нее был назначен приехавший откуда-то Юрий Дмитриевич Малясов), меня отстранили от этих обязанностей, и, как начальник главной инженерно-технологической службы, я занимался добычей, обустройством и вводом скважин. Начальником нефтепарка в этот период работал Николай Иванович Драгунов.

Во время отсутствия главного инженера или начальника НГДУ я обычно исполнял их обязанности. Однако накануне трагедии и здесь постоянный ход событий был нарушен. Меня не только не назначили исполнять обязанности главного инженера, но накануне аварии во-

обще отстранили от работы.

Нефтепарк все время работал в аварийном режиме, и я уже не спал ночами. Естественно, неоднократно говорил нашим первым руководителям об опасности такого подхода к эксплуатации месторождения.

– Дальше так нельзя! Давайте я подготовлю хорошее инженерное обоснование, – предложил я Дунаеву, – а Вы покажете его высокому начальству.

Я имел в виду ожидавшийся приезд на Самотлор А.Н. Косыгина, председателя Правительства страны.

Н. Дунаев на это не пошел.

– Бодливой корове Бог рога не дал, – ответил он мне.

Но и я дальше плыть по течению не соглашался. Слишком многим мы все рисковали, и, в первую очередь, людьми. Поэтому, когда Николай Петрович собрался в очередной отпуск, я наотрез оказался исполнять его обязанности.

– Ставь, кого хочешь! – сказал я ему, – а я не буду!

И Дунаев на последней планерке назначил исполняющим обязанности главного инженера Наиля Галеева, нового начальника ПТО, работавшего в этой должности всего пять месяцев.

За день до случившегося, в пятницу, нам пришла очередная телефонограмма из Главка: «Срочно увеличить суточную добычу нефти на 10 тыс тонн!» Как потом показал ход развития событий, именно это указание стало главным фактором, приведшим к катастрофе.

Я очень уважал Р.И. Кузоваткина, но на этот раз его не поддержал.

– Роман Иванович, можешь меня уволить, но раскручивать добычу не буду!

Кузоваткин заявил, что при таком раскладе он отстраняет меня от исполнения моих обязанностей. Он взял с собой начальника разработки, и они поехали принимать меры для выполнения полученной директивы. Раскрутить добычу при фонтанном способе было просто: надо открыть задвижку на готовых скважинах. Что и было сделано. Только одна скважина – №204 – давала 2400 тонн в сутки!

Поскольку меня отстранили от работы, я уехал домой, сообщив

об этом только В.Н. Белужкину.

На другой день, вечером, в злополучную субботу на смене в главной инженерно-технологической службе дежурил именно он. И вот он звонит мне:

– Иван Иванович! Люди задыхаются от газа! Что делать?

Погода, как я уже сказал, была тихая, безветренная. И газ стал скапливаться на территории нефтепарка.

– Что я могу сделать? – отвечал ему я. – Парком уже не командую. Звони начальству.

Тем не менее, сам позвонил Галееву (вместе с другими руководителями они в это время пировали в гостинице «Самотлор»).

– Наиль Султанович, – попытался вразумить я его, – там же люди!

– Не лезь, ты уже откомандовался! Я там распорядился уже… Пусть не паникуют!

И положил трубку.

Через час снова звоню, только теперь уже Малясову.

– Юрий Дмитриевич! Ты же отвечаешь за парк!

– Я людей проинструктировал, – только и ответил он мне.

Примерно в 23.30 Белужкин позвонил мне в третий раз. Он просил, настаивал перекрыть скважины, дающие дополнительную добычу нефти.

Несмотря на решение начальника НГДУ о моем отстранении от работы, я решил ехать в парк. Вызвал машину, и уже в машине по рации услышал от Белужкина:

– Иван Иванович, взрыв!!! В парке произошел взрыв газа!...

Рабочие, приехавшие на смену, решили перекурить…

Когда я приехал, в парке горело все, что могло гореть: насосная, культбудки. На двух резервуарах горела вытекающая из них нефть. От пламени нагревалась нефть внутри резервуаров, и в случае их взрыва количество человеческих жертв могло быть неизмеримо больше. Самое главное, что нужно было сделать в этой обстановке, – это закрыть задвижку, чтобы прекратить поступление нефти в резервуары.

Я подумал, что, окутанный пеной, смогу это сделать. Народу съехалось много. Был там и секретарь горкома С.Д. Великопольский.

– Давайте, – предложил я, – направляйте всех людей на тушение пламени на резервуарах, а мне пожарные пусть сделают пеновую оболочку!

И полез. Не скрою, в этот момент я, конечно, подумал: «Ну, что, Рынковой, много ты рисковал, все обходилось благополучно, но тут тебе, видно, конец!» Молодцы пожарные, начальником у них был Пенимасов, они все сделали отлично. Я смог добраться до задвижки, перекрыть поступление нефти, и выбрался живым. И только когда после всего вылез на обваловку, у меня выступил холодный пот… Когда нефть перестала течь из резервуаров, пламя стало угасать.

Очень было тяжело все это видеть и переживать. Последним от ожогов уже в больнице умер Воронин… Хороший был работник… Молодой парнишка, маленький такой …

Конечно, сразу было заведено уголовное дело. Вел его (до конца жизни не забуду!) главный следователь прокуратуры СССР Багринцев. Генеральным прокурором тогда был Рекунков. Троих арестовали: Галеева, Малясова и Драгунова. Их сразу исключили из партии. По результатам следствия я должен был стать четвертым. Начались допросы.

– Кто такой Дунаев?

– Не знаю.

– Кто такой Кузоваткин?

– Не знаю… Вы что, хотите из меня штрейкбрехера сделать?! – возмущался я. – Как инженеры, они нормальные, дело свое знают. А что за люди – это не мне судить.

– Не крутите! – продолжали давить на меня.

– Пусть эксперты изучают, смотрят, – говорил я. – Докажут, что виноват, буду сидеть. Я нефтяник, каждый день хожу по лезвию бритвы. У нас идет непрерывное производство. Суббот, воскресений нет, в град, мороз, в дождь должны работать все механизмы и оборудование, должна добываться нефть. Сорвалось, загорелось, все понятно. Люди погибли. Если надо, буду отвечать, но на других вину валить не буду.

Признаюсь, очень сложно было в этих жерновах. Там ведь заставляли говорить на черное – белое, на белое – черное.

Следователи давили, чтобы получить нужные показания. Если говорить языком фактов, то юридически я не имел отношения к трагедии. Но так случилось, и иногда я думаю: а что было бы, оставь Дунаев меня исполнять обязанности главного инженера объединения?

Слухи разносятся быстро, тем более о допросах по факту такой аварии. Узнали об этом и в Башкирии.

– Иван Иванович! – позвонил мне из Арлана Николай Сергеевич Князев. – Мы посылаем с ходатайством делегацию во главе с Лиходедом. Наняли тебе также лучшего адвоката Башкирии! Держись!

Но я и Князеву сказал, что, если признают меня виновным, отсижу. Погибли люди, как я мог в этой обстановке защищать себя?!

Допросы шли больше месяца. Всем находящимся под следствием стали устраивать очные ставки. Я не боялся, был готов ко всему. Тем более, следователь со мной обращался как с преступником.

– Ты у меня поговоришь! – кричал он на допросах. – Я тебя засажу!

И тому подобное.

Когда вызвали на последний допрос, я ожидал, что выведут обратно уже в наручниках. Но все получилось наоборот.

– Здравствуйте, Иван Иванович! – протянул мне руку Багринцев.

– Нет, я Вам руки не подам! – отвел я руки за спину. – Если виновен, Вы можете посадить меня. Но Вам никто не давал права так обращаться с людьми. Я выдержал Ваш натиск, а если бы другой на моем месте был, да инфаркт получил?! Простить Вам такое … не могу!

– Вы извините нас, Иван Иванович, работа такая, – услышал я в ответ.

Потом мы поехали в горком партии, где Багринцев снова передо мной извинился и попросил секретаря горкома снять с меня партийное взыскание.

– Пишите заявление, – предложил он мне, – чтобы с Вас сняли строгий выговор.

– Нет, – сказал я Бахилову, – не буду писать никаких заявлений. Сколько положено носить выговор? Год? Вот и буду с ним год ходить. Как объявляли взыскание, так и снимайте!

Извинялся передо мной и наш секретарь парткома Антонов. А как пламенно он выступал на заседании бюро, когда нам объявляли выговоры! И так надо было делать, и вот эдак!... Поторопился…

После встречи в горкоме мы поехали на очные ставки к тем, кто был арестован.

– Какие претензии к Рынковому? – спросил Галеева следователь.

– Я считаю, что он должен сидеть с нами, – ответил тот.

На этих словах Багринцев взорвался.

– Какие же вы с…! Этот человек ни о ком из вас слова плохого не сказал, а Вы?!... Друг на друга тома грязи вылили и его не обошли! Я первый раз за всю свою практику встретил человека, который сам не защищался и других не подставлял. А тебя я на всю катушку раскручу! Никаких скидок не дам!..

– А Вы, Иван Иванович, что можете сказать? Какие имеете претензии к этому человеку?

– Нет у меня к нему ничего, – ответил я. – Он у нас новый человек, я его не знаю.

Ни разу нигде и никому я не сказал о том, что накануне трагедии не раз предупреждал арестованных о возможном несчастье, что звонил им и просил принять меры. А они отмахивались и продолжали веселиться…

Вот такой состоялся диалог. Аналогичное заявление сделал на очной ставке и Юрка Малясов. О нем я только сказал, что он мягкотелый человек, тряпка. Его куда хочешь, туда и повернешь.

А вот начальник цеха Коля Драгунов заявил, что у него претензий ко мне нет никаких. Хотя именно я уговорил его пойти на должность начальника нефтепарка, выполнив все его встречные условия. У нас этот цех был самым слабым местом, опасным. Кого ни поставим, не тянули: парк огромный. А у Драгунова получалось, если бы не трагедия… Вот перед ним вину до сих пор чувствую.

– Я сам принял решение о переходе в нефтепарк, – сказал Коля. – И никаких претензий к Ивану Ивановичу у меня нет.

Состоявшийся позже в Тюмени суд приговорил арестованных к восьми годам. Нефтяники потом много сил приложили, чтобы освободить их досрочно. Сидели они, можно так сказать, условно: встре-

чи, передачи – все было разрешено без ограничений. Примерно через четыре года их выпустили. И тогда считал, и сейчас уверен еще больше, что эти люди были невиновными. Виновата вся система, которая вынуждала их на такие действия. Телефонограмму о наращивании добычи тогда дал Главк, а Главку – ЦК. Кстати, эту телефонограмму я тоже скрыл от следствия. Но, на мой взгляд, это ничего бы не изменило, только на скамью подсудимых могли бы сесть еще Дунаев и Кузоваткин. Роман Иванович незадолго до своей смерти благодарил меня.

– Тебе за все спасибо, Иван Иванович! Ты очень порядочно тогда поступил.

Но я и ему, и всем другим говорил, что главным судьей для меня была и остается моя совесть. Даже сейчас, спустя много лет, щемит сердце, когда думаешь о безвинно погибших людях. И кажется, что ты не все сделал, что мог.

После взрыва приказом по главку меня назначили ответственным за реконструкцию и восстановление парка. Весь необходимый объём работ был выполнен в запланированные сроки...

Сам я злобы ни на кого не держал. Просто в тот момент, когда меня чуть не посадили, шел и думал: ради чего я так выкладывался на работе?! И как работать дальше, если платить за объемы добываемой нефти приходиться такой высокой ценой – человеческими жизнями?! Именно тогда выбросил все свои грамоты (их накопилось за все периоды порядка 70), записи, которые вел почти ежедневно в своем дневнике… Теперь жалею, многое можно было по ним восстановить. Донести до современного поколения нефтяников, какими усилиями и нервами давалась нефть Мегиона и Самотлора.

Раздел 5.

Я верил: город будет

Вернуться в Мегион меня уговорил Арнопольский

В 1978 году, когда было образовано объединение «Нижневартовскнефтегаз», меня назначили заместителем главного инженера по производству. С этих пор я стал активно помогать Мегиону. «Мегионнефтегаз» в этот период находился в трудном положении: добыча падает, скважины останавливаются, условия в социальной сфере страшные.

Начальник Главка Филановский хорошо знал Г.С. Арнопольского и назначил его на должность начальника НГДУ «Мегионнефть». Однако Мегиону должного внимания по-прежнему никто не уделял, контора оставалась в Нижневартовске, и ситуация к лучшему не менялась. Куда Арнопольский только ни обращался! Никто помогать не хотел. Да и взрывной характер Георгия Саммуиловича уже не помогал, а, скорее, вредил делу. Сам он к тому времени начал сильно болеть, запросился в отставку. Новый начальник Главка Р.Т. Булгаков поставил условие, что освободит его только в том случае, если будет найдена замена. И Арнопольский стал активно уговаривать меня.

– Иван Иванович, – признавался он мне, – все, больше не могу. Давай, переходи в Мегион. Ты же там начинал…

Откровенно говоря, подобное предложение поступало мне и от Булгакова.

– Надо подымать Мегион, – сказал он во время одной из встреч.

Я знал, что Самотлор по-прежнему оставался главным местом

приложения усилий и средств. Мегион же всегда был на остаточном варианте, все ему доставалось в последнюю очередь. Прочно закрепилось такое понятие, что Нижневартовск – это базовый город, а Мегион – вахтовый поселок. Георгий Саммуилович рассказывал мне:

– Кому не предложу, все отвечают: ты что, идиот?! Чтобы идти на Мегион? Это же самоубийство!

И вот в таких условиях я согласился идти начальником НГДУ «Мегионнефтегаз». При переходе потерял в должности, в зарплате, в жилищных условиях. Из благоустроенной квартиры переселился в барак. Чуть позже перетащил туда супругу. Никто меня тогда, кроме моей семьи, не понимал. Конечно, при всех обстоятельствах я мог отказаться, но это решение было очень важным для меня самого. Мегион сидел во мне глубоко, как несбывшаяся мечта юности. И очень хотелось, вопреки всему, приблизиться к ней, дать почувствовать людям, с которыми я когда-то начинал осваивать первые месторождения Мегиона, что все было не напрасно.

В середине 60-х годов мы мечтали, что на месте никому неизвестного поселка вырастет красивый город нефтяников, и решили рассказать о Мегионе всему миру: на берегу Оби установили шестиметровый щит с портретом Ленина, а рядом написали слова известного советского поэта: «Я знаю, город – будет, я знаю, саду – цвесть, когда такие люди в стране советской есть!» Потом подписались под этими словами. Мимо по реке шли пароходы, и все говорили: это наш маяк! Сначала нехитрое сооружение было для всех нас воплощением мечты, надеждой на лучшую жизнь. Для меня эти слова со временем стали клятвой, которую я дал, но не выполнил…

За время работы в Мегионе мне невольно еще дважды довелось давать подобные обещания. Это было в 1966 году. Конец весны, наши строители разметили дорожки, чтобы от берега Меги прокладывать тротуары. А кругом такая грязь, не пройти! Дороги тяжелой техникой разворочены, я проселочной дорогой только и мог ездить на своем тягаче. И вот я вышел из машины, чтобы посмотреть, как идут дела. Смотрю, а женщина сидит прямо в луже посреди дороги и плачет: сапог потеряла. Подошел, вытащил ее (сапог мы, конечно, не нашли: куда там в таком болоте!), а она кроет своего мужа разными словами…

– Приедет, я ему, (…), покажу! Куда он меня завез! Уеду, чтоб глаза мои его и этот Мегион не видели!

– Ну, что Вы, женщина, – сказал я ей тогда. – Не надо ругать мужа. Вот увидите, лет через десять здесь будет прекрасный город!

– И этот такой же дурак, как мой! – услышал я в ответ.

Об этом же я во всеуслышание сказал однажды и на колхозном собрании, которое проходило в местном клубе. Колхозники, не стесняясь крепких выражений, упрекали геологов, нефтяников, что они приехали за большими деньгами, но ничего не делают для улучшения условий жизни местного населения. Хорошо помню одну женщину, которая выступала очень резко. Не защищая никого, я ответил:

– Попомните мое слово: будет Мегион красивым городом!

Все сказанное не было пустым звуком: я верил сам, стремился внушить людям, что трудности будут не всегда… и когда в начале 80-х мне предложили возглавить «Мегионнефтегаз», я воспринял это как возможность вернуть людям утраченную веру, как шанс выполнить данные обещания.

Именно поэтому я решил жить в таких условиях, в которых находились практически все мегионцы. Хотя на такой шаг тогда решились не все.

После длительного отсутствия я снова увидел Мегион… Это был такой «шанхай»!.. Везде грязь, помойки, канализация забита, все течет по поверхности…

Чтобы поднять производство, надо создать условия для людей. Это аксиома. Я стал искать выходы из ситуации. Задачи, которые поставил для себя – отселение мегионцев из балков, строительство котельной, канализационных сооружений и др., требовали передачи города (Мегион к 1981 году уже получил статус города) от геологов нефтяникам.

Как нефтяники Мегиона получили генплан города

Наш рабочий люд очень скор на меткие и точные определения, характеристики. Бывало, дадут кому-нибудь кличку – прилепится намертво. Вот и о нас, принявших решение переехать из благополучно-

го и заласканного Нижневартовска в забытый Мегион, очень быстро сложили забавное четверостишие:

Они поехали в Мегион
Заработать миллион.
Но вернутся из Мегиона
Без штанов и миллиона!

Конечно, о высоких заработках мы не мечтали. И я, и мои товарищи, разделившие со мной ответственность за будущее предприятия и людей, хотели, прежде всего, поднять производство, улучшить условия жизни мегионских нефтяников и их семей.

Но сделать это оказалось не так просто.

Министерство нефти и газа в эту пору возглавлял Н.А. Мальцев. Однажды в вертолете, пролетая вместе с Р.Т. Булгаковым над Мегионом, он спросил:

— Что это за поселок?

— Мегион, – ответил ему кто-то из сопровождающих.

— Вот так Булгаков… Это поселок геологов? – уточнил еще раз министр. – Чтобы вы здесь жилье не строили! Возите вахты из Нижневартовска, а Мегион пусть остается вахтовым поселком!

Кто мог тогда перечить министру?! В условиях партийно-советской системы 80 процентов руководителей готовы были пожертвовать своими заместителями, специалистами, кем и чем угодно, лишь бы выполнить указание вышестоящего начальства. В противном случае они могли лишиться должности, испортить себе всю карьеру. Уверен, если бы у нас не было такого чинопочитания, безусловного одобрения любых, даже самых неграмотных, бесперспективных, порой вредных решений руководства, мы бы СССР не развалили… До слез обидно: руками тысяч людей, их самоотверженным трудом был создан мощнейший нефтяной потенциал…

Но у меня другой характер. И я поехал в Тюмень, в Главк.

— Надо у геологов забирать генплан Мегиона, – предложил я Булгакову. – Они на бюджете, и никогда не смогут построить город…

— Ты же понимаешь, министр против. И сказал: если узнаю…

Мои попытки доказать, что без создания условий для нормального проживания людей мы не подымем и производство, остались

безуспешными.

А как быть мне? Работники предприятия, которые жили в Нижневартовске, быстрее стремились уехать домой. Мегионцев же приходилось принимать на личном приеме до двух часов ночи: все шли со своими проблемами. И главная состояла в отсутствии нормального жилья.

-- Иван Иванович! Написали письмо Терешковой!..

– Иван Иванович, мою дочь в школе оскорбляют за то, что она не умее туалетом пользоваться!...

Это были не вопросы, а сплошной плач! Как жить дальше?! Естественно, что в таких условиях я просто не мог сидеть, сложа руки. Прошел кабинеты многих руководителей: заместителя начальника Главка по капстроительству Парасюка, начальника Главка «Жилстрой» Фадина, заведующего отделом капстроительства в министерстве, министра Промстроя СССР Пятибрата, партийных руководителей. Помогать не отказывались, но все ссылались на указание Мальцева. Вот если оно будет отменено…

Председателем Мегионского горсовета был Ю.С. Ярошенко. Незаслуженно его забыли, прекрасный был человек. Из партийных и советских руководителей он больше всех сделал для развития города. Юрий Семенович почти все время сопровождал меня в хождениях по инстанциям.

В «Жилстрое» у Фадина я встретился с Е.И. Куропаткиным, который был начальником строительного управления в Нижневартовске: они только начинали строить там жилье. Вот кто помог мне очень сильно впоследствии… Я и сейчас при встречах с Евгением Ивановичем всегда его благодарю. А Василий Лукич Пятибрат посоветовал мне обратиться в Совет Министров СССР.

– Вы Дымшица знаете?– спросил он меня.

– Один раз докладывал ему, – ответил я (Дымшиц был первым заместителем Председателя Совета Министров СССР). – Он раза четыре приезжал к нам в Нижневартовск.

– Вот и идите к нему!

Это был уже 1982 год. Снова собрал все бумаги, взял с собой Ярошенко, уговорил еще и секретаря горкома партии, и мы поехали.

По сразу к Богомякову, в обком.

– Что, Иван Иванович, никак не понимает ситуации? – спросил тот через своего помощника.

– Не понимаю, Геннадий Павлович, – ответил я прямо. – У меня самого все есть, а вот люди в балках живут. Там такие трущобы, если загорится…

Я действительно очень переживал за эти дела.

– Министр против! – как гаркнет Богомяков на меня. Секретаря горкома как ветром тогда сдуло из кабинета.

– Ну, зачем ты лезешь в эти дела? – уже мягче спросил меня Богомяков.

Дальше я решил ходить сам и предложил Ю.С. Ярошенко вернуться домой.

– Снимут тебя с работы, и все. Что будешь делать? У тебя же выборная должность…

– Нет, – настоял он, – я буду с Вами, Иван Иванович, до конца!

Попытался еще раз отговорить меня и Булгаков.

– Я тебе так как-нибудь буду помогать, не езди! Пожалеешь, да и меня подставишь…

– Была бы шея, – ответил я, – а ярмо найдется. Дай денег на дорогу!

Денег мне Ришад Тимиргалиевич дал, но предупредил:

– Я тебе ничего не говорил!

– Но ведь ты же сказал, что министр против застройки Мегиона?

– Это можешь сказать министру!

В Москве я сразу пошел к начальнику управления капитального строительства министерства, который был вместе с министром во время облета Мегиона.

– Ты что, сдурел? – набросился он на меня. – Ты слышал, что министр сказал?

– Слышал, но не министру с людьми работать, а мне. Подпишите бумаги!

– Выйди из кабинета! – стал орать на меня он. – Ты мешаешь мне работать!

А потом выскочил из кабинета. Как потом я узнал, он побежал к министру.

Дальше события развивались таким образом.

Подошел Лев Дмитриевич Чурилов и стал уговаривать меня.

– Подумай о себе…

А тут и начальник административно-хозяйственного отдела появилась.

– Иван Иванович, Вы что наделали? Мне дали команду выселить Вас из гостиницы! Чтобы Вы через сутки были уже в Мегионе! Вот Вам билет на самолет!..

Пришел в гостиницу, а мои вещи уже у администратора. Что делать? Информация о моих злоключениях дошла и до объединения «ННГ».

– Иван Иванович! Немедленно возвращайся! – звонит мне Марычев.

– Федор Николаевич, я передал заявление, с просьбой предоставить мне десять дней отпуска без содержания по семейным обстоятельствам!

И тут я вспомнил про одного парня, своего однокурсника, сына большого партийного чиновника. Нашел в записной книжке его телефон, созвонился. Мне повезло: он не только решил вопрос с гостиницей, но и помог устроить встречу с Дымшицем.

Я почему это все в таких деталях рассказываю? Приходилось слышать и даже читать, что активная застройка Мегиона началась после коллективного обращения депутатов горсовета в вышестоящие инстанции. Наверное, их письмо также сыграло свою, определенную роль. Но главное решение, кардинально изменившее подходы к развитию Мегиона, было принято на уровне первого заместителя председателя Правительства В.Э. Дымшица. Это факты, и о них должны знать мегионцы.

Мой однокурсник сообщил мне, что встреча назначена на 10 часов утра следующего дня, и дал свою машину. Я не спал всю ночь, переживал, учил имя-отчество Дымшица (Вениамин Эммануилович).

На приеме я пробыл ровно 4 минуты 53 секунды.

– А-а, – встретил меня Дымшиц, – это тот Рынковой, чей доклад я отметил как лучший? Помню-помню… В чем дело?

– Я вернулся на Мегион, который надо развивать. Люди, с которыми я начинал, живут нищенски, – постарался коротко доложить я.- Надо передать генплан города нефтяникам.

– Кто против? – спросил он.

– Мальцев.

Дымшиц ту же при мне снял трубку.

– Ты что-о? Он себе, что, дачу просит?! Так вот, подпишешь генплан и дашь средств столько, сколько Рынковой просит!... – и положил трубку.

Так же точно он решил и вопрос по котельной.

В этот день я до 16 часов просидел в ресторане «Прага», отходил от приема и его результатов. Столько пришлось выдержать, и так молниеносно все решилось.

Когда я вернулся в гостиницу, меня уже все обыскались: надо было срочно ехать на прием к министру. Но я решил отдохнуть после бессонной ночи, и поехал только к 19.00.

Приняв меня, Мальцев потребовал занести ему мое личное дело. Я сидел, а он читал. Читал-читал, а потом как рыкнет на кадровика:

– Таких людей ценить надо, а не разбрасываться ими! А вы что делаете?.. – и тут же обратился ко мне, – ну-ка, дай я на тебя посмотрю!

А что на меня смотреть. Еще Арнопольский говорил, что меня в министерстве не любят.

– Кто сказал, что я против застройки Мегиона? – спросил следом Мальцев.

– Депутат Верховного совета Булгаков, – ответил я, помня, что у меня было разрешение на такой ответ от самого Булгакова.

– Соединить меня с Булгаковым! – скомандовал министр.

Словом, распорядился он и генплан подписать, и денег на застройку города дать. Но вместо пяти миллионов рублей, которые я просил, нам дали 10. Потом за то, что три миллиона не успели освоить, мне еще выговор вкатали.

Через три года Мальцева сняли, но нефтяники здорово натерпелись от этого человека. На его совести столько судеб!... Многие крупные талантливые руководители после коллегий оказывались с инфарктами на больничной койке. Именно после такой коллегии от

сердечного приступа умер Николай Петрович Дунаев.

– Я не позволю так издеваться над нефтяниками, – заявил тогда Дунаев министру и ушел с заседания.

Его ждали друзья, а потом, не дождавшись, попросили открыть номер в гостинице. Николай Петрович, как сидел в кресле с телефонной трубкой в руках, так и остался. А в уголке губ – таблетка валидола. Виктор Иванович Муравленко, глыба, огромным авторитетом пользовался у всех, тоже умер от сердечного приступа. И таких много. Вот как давался людям Север.

И начали нефтяники строить город

К моменту передачи генплана нефтяникам геологи уже начали в Мегионе строительство многоэтажных домов. Первый дом поставили рядом с домом культуры «Прометей». Но я тоже не собирался откладывать дело в долгий ящик. Поддержка мне была обещана, как я уже писал, и Е.И. Куропаткиным, начальником строительного управления из Нижневартовска, и самим министром Промстроя СССР В.Л. Пятибратом.

Первый дом на перекрестке улиц Кузьмина и Нефтяников Куропаткин делал с чистого листа. Я выпросил у Валентина Гаврикова, начальника Мегионской НРЭ, катер, баржи, чтобы перевезти с Юганска первые сваи. И потом целую ночь дежурил возле них, чтобы никто не украл.

Квартиры из первых двух домов – девяти и пятиэтажного я не отдал никому: ни горисполкому, ни строителям. Молодые специалисты жили по три семьи вместе, и я волевым решение заселил их в новые квартиры. Мне тогда даже выговор по партийной линии пообещали.

Остро ощущалась тогда и потребность в развитии торговых услуг. Поэтому начали строить свою базу ОРСа с капитальными овощехранилищами. Не хочу скрывать, что оборудование на многие объекты приходилось просто перехватывать у других. Помогали опять же руководители нужных управлений, главков, министерств. К примеру, первый мясной холодильник предназначался для Покачей. Его долго потом искали: пропал, говорят. А мы его уже смонтировали к

тому времени. Так и пошел наш Мегион строиться. 50 процентов средств на проектно-изыскательские работы объединения я забрал на «Мегионнефтегаз». И это были не только нефтепроводы, водоводы, но и объекты производственной сферы: асфальтный завод, коптильный цех, первый стотонный холодильник, предприятие связи (Телеком) и другие жизненно важные для населения, развития социальной сферы города производства.

В кратчайшие сроки мы сдали административное здание «Мегионнефтегаза», которое потом отдали под Лечебно-диагностический центр. Сидели там днями и ночами, проводили бесконечные оперативки со строителями... Корпус, в котором сейчас находится офис акционерного общества «Славнефть-Мегионефтегаз», тоже мы начинали возводить. Правда, не как административное здание (запрещали тогда это делать, дурости было много), а как лабораторный корпус нефтепарка.

Опять же в интересах нефтяников, всех жителей города взялись за развитие колхоза. Если бы жив был директор Мегионского совхоза Проклов, он многое мог бы вспомнить о том периоде, когда я планерки у него проводил. Начали разработку участков под капусту, морковь, предметно занялись разведением скота, заготовкой кормов: хотели иметь свои овощи, мясо, молоко для работников предприятия.

Я взял с месторождений для колхоза арочные склады, три километра бетонных дорог. Что такое для нас были эти три километра?! А колхозникам приходилось передвигаться по пояс в грязи. Через заместителя министра по внешним связям я добился поставки шведского молочного комбината. Строители даже сваи забили под этот молочный комплекс. Но с моим уходом возведение этого объекта прекратилось.

Не все успели завершить, но и сегодня с уверенностью могу сказать, что этот рывок был сделан вовремя. Без передачи генплана города нефтяникам Мегион разделил бы участь других аналогичных поселков, в которых жизнь устраивалась по временной схеме. Много сделали для развития социальной сферы города такие руководители «Мегионнефтегаза» как А.В. Фомин, А.М. Кузьмин, С.В. Алафинов, М.Я. Занкиев, В.М. Игнатко. Но и сегодня, спустя двадцать лет, город все еще устраняет наследие начального периода, когда каждое ведом-

ство строило свои котельные, прокладывало свои теплотрассы, возводило для своих работников временное жилье. Поэтому городским властям, коммунальным службам приходится много заниматься реконструкцией, модернизацией, создавать единую и современную схему жизнеобеспечения города.

С радостью взирая на быстроменяющийся облик Мегиона, я хочу с законным чувством гордости обратиться к своим товарищам, коллегам, ученикам: «Ребята, мы начинали это вместе, и как видите, все было не зря!»

Команда, с которой мы начинали перевод на механизированную добычу

Не могу не признать: Мегион вытрепал меня за четыре года капитально. Сейчас многое пишут и говорят о том периоде. Но хочу сказать, что поставленные перед нами задачи в производственном и социальном плане мы решили. Ходят даже слухи, что меня уволили с должности начальника НГДУ «Мегионнефтегаз». Это неправда. Я попросился сам. Мне было 46 лет. К тому времени дважды уже был под капельницей. Не болел, но как выяснилось на обследовании в Израиле, на ногах перенес инфаркт. Оно и неудивительно: день и ночь испытывать такое напряжение сил, нервов. Кое-кто из моих коллег даже обиделся на меня за то, что я оставил «Мегионнефтегаз». Владимир Васильевич Кругликов, работавший начальником ЦИТС, позже говорил мне:

– Мы же передними колесами уже на асфальте стояли. Еще чуть-чуть, и выехали бы…

Выезжали трудно. Все, что сделали тогда руководители, специалисты, рабочие предприятия, заложило прочную основу для перевода нефтедобычи на механизированный способ, дало правильные ориентиры тем, кто пришел позже. Нынешнее поколение нефтяников должно знать их имена и представлять, какими усилиями был взят самый непростой рубеж в истории разработки нефтяных месторождений Мегиона.

Главное противоречие состояло в том, что в стране привыкли к фонтанной добыче больших объемов нефти, а переход на механизированный способ не только не давал мгновенных результатов, но и не мог обеспечить, при всей своей эффективности, прежних объемов добычи. Планы доводились большие, но порой они являлись нереальными. Нам приходилось заниматься переводом на мехдобычу и одновременно доказывать ошибочность старых подходов. Однако для ломки стереотипов всегда необходимо время. Тем, кто пришел после нас, в этом плане было уже легче.

Требования были очень жесткие. Я не боялся оспаривать нереальные планы, возражать самому министру. Кое-кто из моих коллег и сейчас вспоминает об этом. Однако, все свои технические мероприятия, которые намечали, мы выполняли и перевыполняли, потому что в руководстве НГДУ была очень хорошая команда: С.В. Муравленко, С.Б. Багинский, В.В. Кругликов, начальники цехов А.М. Кузьмин, С.В. Алафинов, старший геолог второго промысла Володя Нихти, старший инженер ПРС Володя Курлышев, механик Володя Игнатко, Ким Ден У, Володя Сенев, Коля Суслик и другие. Несмотря на молодость, многие уже тогда проявили себя очень толковыми специалистами. У каждого были свои особенности и достоинства, которые во время работы в команде позволяли достигать хороших результатов.

Когда я принял Мегион, 50 процентов скважин стояло в бездействии, межремонтный период составлял 180 суток, аварии происходили практически ежедневно. А по обеспеченности электроэнергией «Мегионнефтегаз» находился в катастрофическом положении: все подстанции были перегружены и работали в аварийном состоянии. Специалисты меня поймут, если я приведу такой пример – на одном фидерном устройстве запускалось 42 скважины при максимальной норме 12. О какой ритмичной работе механизированного фонда можно говорить?! В НГДУ не хватало 110 км линий электропередач, пяти подстанций на 110в и одной на 220в. Когда с этими расчетами я поехал в Москву, министру пришлось снять с работы главного энергетика министерства. Правда, донести истинное положение дел мне удалось не сразу.

В «Мегионнефтегазе» тогда работал известный в наших кругах

энергетик (не буду называть его фамилию), которому я поручил составить свою часть (по энергетике) технических мероприятий по повышению инженерной устойчивости производственных объектов. Он их сделал, но на таком низком уровне, что, когда я поехал первый раз с этими расчетами в министерство, меня там, образно говоря, носом натыкали.

– Рынковой что-то мутит, создает нервозную обстановку, – сказал главный энергетик министру. – Я разговаривал с главным энергетиком «Мегионнефтегаза», там все нормально. Пусть Иван Иванович не паникует.

Вернувшись домой, я пригласил энергетика, подал ему чистый лист бумаги на заявление и сказал: «Чтоб я тебя больше не видел!» (Никогда не увольнял людей за провинности, всегда давал лист бумаги для того, чтобы они писали заявление по собственному желанию). В службе энергетика работал Виталий Мясников, любил, правда, выпить, но голова – умнейшая. Поговорил я с ним по душам и назначил главным. Надо сказать, свое обещание он старался держать. Вот с его мероприятиями по обеспечению устойчивого энергоснабжения объектов нефтедобычи я и поехал снова в министерство и убедил в истинном положении «Мегионнефтегаза».

В короткие сроки мы сдали подстанцию на 220 вольт, которая по тем временам была одной из самых больших в Союзе. Строили с чистого листа, потому что времени на изготовление проекта, экспертные оценки у нас не было (всю эту работу вели параллельно). Сделали невозможное, ведь требования к таким объектам были высочайшие. И надо сказать, что хорошую поддержку я получил у главного инженера Свердловского проектного института Леонида Ильича Зайцева, начальника 101-ой мехколонны Юрия Викторовича Чекрыгина. Помогали мне многие, верили слову нефтяника, в том числе и Игорь Кирбаев, куратор по строительству объектов Минэнерго в Тюменской области. Когда министру энергетики Непорожнему показали подстанцию и рассказали, как она строилась, он воскликнул:

– Не было за все время существования СССР ничего подобного! Я не слышал, чтобы таким методом возводились крупные объекты!

Много сил довелось приложить тогда, чтобы уменьшить и количество аварий. Только в1981 году в «МНГ» произошло 367 порывов. Нефтепроводы старые, гнилые, мы головы от труб не подымали. Практически каждый день порыв, а то и два-три. Семен Микитин (отвечал за нефтепроводы), Сергей Алафинов, другие руководители и специалисты работали с огромным напряжением. Алафинова однажды ночью сердце схватило, увезли в больницу. Но и эту проблему мы решили, добились уменьшения количества аварий в пять-шесть раз. Такой показатель, как межремонтный период скважин, также сократили вдвое.

И все-таки главным направлением наших усилий с первых дней оставался переход на механизированный способ добычи нефти. Начал эту работу еще Г.С. Арнопольский. Мне надо было продолжать. День и ночь вел расчеты, даже ночевал в кабинете. Как ни крути, а получалось, что для выхода из кризиса первые два года мы должны были переводить по 300 скважин ежегодно. Собрал начальников цехов, руководителей служб на совет.

– Вот так, – говорю, – чтобы выполнять программу, надо в 1982 году перевести на мехдобычу не менее 300 скважин. Задача понятна?

– Как же так?! – загудел весь зал (до этого максимально переводили 57).– Работали, не гуляли…

Через четыре дня собрались снова.

– Подумали, посчитали, – привели мне свой расклад руководители, – реально – это 120-150 скважин…

– Идите, думайте еще, – отправил я их опять.

Сейчас, когда встречаюсь с С.Б. Багинским, он удивляется:

– Не может быть, Иван Иванович, чтобы я Вас так назвал.

Но это было именно так. Когда я пригласил всех в третий раз, Станислав Брониславович (он работал заместителем начальника ПГДУ по капитальному строительству) встал, посмотрел на меня внимательно.

– Вы, наверное, авантюрист из авантюристов! – сказал он и тут же ушел.

Я очень любил и уважал Багинского, ценил его за профессионализм, организаторские способности, принципиальность. Мне импонировало, что Станислав Брониславович никогда никому не угож-

дал, открыто высказывал свое мнение, возражал, если был с кем-то или с чем-то не согласен. И как же было приятно не ошибиться в этом человеке! До конца года поставленную задачу мы перевыполнили: 323 скважины перевели на механизированный способ добычи. Конечно, это не только заслуга отдела капитального строительства. Свою роль сыграли все подразделения и службы, но основной упор был сделан на строительно-монтажное управление и службу снабжения. Важное значение имели организационные меры, а также стимулирование труда: премиальные возили прямо на кустовые площадки. Большую помощь нам оказал и отдел капитального строительства объединения, который возглавлял Николай Емельянович Маев.

– Я до конца дней не забуду, как вы это сделали, – искренне восхищался он, хотя вначале отнесся к нашим планам настороженно.

– Мы даже в Татарии не переводили постольку, – говорил он мне.

Такие масштабные планы нельзя было выполнить и без грамотной работы инженерной службы, которую возглавлял мой ученик, эрудированный нефтяник Сергей Викторович Муравленко. Он смог так организовать дело, что служба сталанастоящим мозговым центром всей нашей работы. (Не могу не отметить и высокие нравственные качества Сергея Викторовича, его выделяли среди многих чувство такта, порядочность и высокая ответственность, никогда он не пользовался и высоким авторитетом, положением своего отца, не выпячивал родства с ним. Когда вышла первая книга об отце, он подарил ее мне с дарственной надписью: «Моему первому учителю за все с глубокой благодарностью!» Сегодня я очень дорожу своей дружбой с этим человеком, бесконечно благодарен за поддержку, которую он мне оказывает.

Если перечислять всех, кто решал поставленную задачу, не хватит места. Это была наша общая победа на том отрезке времени.

Раздел 6.

О дне сегодняшнем

В Мегионе начинал, там и буду заканчивать

В 1985 году я ушел из «Мегионнефтегаза». Ушел сам. Непосредственным поводом для этого стал очередной конфликт с министром, когда я на совещании попросил уменьшить предприятию план суточной добычи нефти на 500 тонн. Буквально через два месяца мы должны были ввести 62-ой куст Южно-Аганского месторождения, который дал бы прирост добычи на 900тонн, и все пошло бы по намеченному руслу. Но план не уменьшили, я написал заявление.

По моему заявлению из Тюмени приехал Валерий Исаакович Грайфер, попытался меня остановить. Но я сказал: нет. Мне в узком кругу вручили грамоту, подарили хрустальную вазу, и я уехал обратно в Нижневартовск, в «Самотлорнефть». Как раз началось время так называемой перестройки, в моду вошли выборы руководителей, и меня избрали начальником НГДУ «Самотлорнефть». Здесь я проработал девять лет, пережил свои семейные трагедии. В 1994 году вернулся в «Мегионнефтегаз», сначала советником генерального директора, потом директором «Мегионкубаньстроя», Представительства «МНГ» в Краснодарском крае.

Получилось так, что моя внучка шла в этом году в первый класс. Мы собрались уезжать в Краснодар. В мае я зашел к А.М. Кузьмину, и он стал уговаривать меня принять «Лесное озеро».

– Иван Иванович, соглашайся! Мы все восстановим, жить тебе как-то надо!

А дело в том, что чуть раньше руководство «Мегионнефтегаза»

приняло решение о ликвидации базы отдыха, поскольку содержание ее было нерентабельным.

Потом мы снова встретились, обсудили все вопросы. Договорились, что через десять дней Анатолий Михайлович приедет ко мне в Краснодар. Это была наша последняя встреча накануне его гибели…

Хочу сказать, что, несмотря на девятилетний перерыв, связей с «Мегионнефтегазом», Мегионом я не порывал. Здесь жили и работали мои коллеги, товарищи, десятки, сотни руководителей, специалистов, рабочих, с кем я днем и ночью делил ответственность за огромное производство, целый город. Очень часто вместе с Анатолием Кузьминым мы обсуждали многие вопросы труда и быта людей, перспектив развития производства.

– Михалыч! – говорил я ему, – делай город! Не жалей ничего для этого!

Наверное, поэтому свое возвращение в «Мегионнефтегаз», нынешнюю работу в подразделении акционерного общества я не считаю случайными.

Иногда мне задают вопрос: какой период жизни важнее – Мегионский или Самотлорский? Прзнаюсь, что разделить это невозможно. Самотлор – это была настоящая битва, огромное напряжение сил и нервов, всех ресурсов. Громаднейшие масштабы. Запасы составляли 3 млрд тонн (в Мегионе – 62 млн тонн). Не зря же здесь был создан штаб Центрального комитета партии. Однако истоки нефтяной отрасли Нижневартовского района – это Мегион. Параметры несравнимые, и у Мегиона, и у Самотлора свое место в истории.

У меня была возможность на очень приличных условиях перейти на работу в ТНК. Такое предложение мне сделал после знакомства на 30-летии Самотлора президент ТНК Семен Кукес.

– Вы, Ваше поколение, – отметил он, – создали то, чем мы сегодня пользуемся, что продолжаем развивать. Мы не имеем права забывать об этом. Буду рад видеть Вас в нашей компании.

Но я поблагодарил и отказался.

– В Мегионе начинал, – сказал я, – там и буду заканчивать.

Об этом приглашении я рассказал М.С. Гуцериеву, который в то время возглавлял НГК «Славнефть».

– Иван Иванович, – заверил он меня, – Вы будете работать в «Мегионнефтегазе». Мы все сделаем для Вас, все вопросы решим.

Я очень признателен Михаилу Сафарбековичу за поддержку, которую он мне оказал и продолжает оказывать, несмотря на то, что сам уже не работает в «Славнефти». Благодарен я и Юрию Евгеньевичу Суханову, Сергею Викторовичу Муравленко, Василию Михайловичу Думе. В том, что они не оставили меня без внимания и помощи, я вижу не только профессиональную солидарность, но и большие человеческие качества этих людей, признание ими заслуг и вклада старшего поколения нефтяников в развитие отрасли. Огромное им спасибо за это!

Раздел 7.

О самом сокровенном

О матери

Самым главным, святым человеком в моей жизни была моя мама Марфа Ефимовна. Всем лучшим, что имею, я обязан ей: умением трудиться, не покладая рук, любовью к людям и к жизни, стойкостью, оптимизмом, добротой…

Мамаша всегда была верующим человеком, и я никогда не запрещал ей, хотя в советское время это было принято. Многих пожилых людей близкие заставляли выбрасывать иконы… Мы же были руководителями, членами партии, от нас требовали таких действий. Однако чем больше я жил, тем больше понимал, что без веры нельзя. В 1946 меня подпольно окрестили, я лучше всех в семье читал молитвы. Мне кажется, что именно вера помогала моей маме выстоять в самые трудные моменты жизни. До конца дней она оставалась добрым, участливым к нуждам других людей человеком.

Моей самой заветной мечтой было стремление выучиться, получить хорошую специальность, чтобы заработать денег и накормить маму белым хлебом. Когда я стал работать, всегда помогал ей деньгами. Приеду к ней в гости, а она мне говорит:

– Ты знаешь, сынок, я опять все деньги раздала…

Трудная сиротская доля не позволяла ей пройти мимо нищего, отказать нуждающемуся. Оставшись без родителей, мама до 14 лет попрошайничала у православных храмов, потом богатые люди взяли ее к себе домработницей, а в 16 лет выдали ее замуж. Такая вот жен-

ская доля. Она не боялась никакой работы, взвалить мешок себе на спину и понести было для нее обычным делом. Да и кому мать могла это перепоручить, если после смерти отца семья осталась без мужской заботы?! После войны наша семья была одной из самых бедных в селе.

Мать пользовалась уважением односельчан, более 20 лет избиралась депутатом сельского совета.

Ее судьба, ее трудная жизнь сидит такой занозой в сердце... Никогда не могу пройти я мимо нищего, мимо просящего подаяние. Всегда специально держу мелкие деньги в кармане. Куда бы ни приехал, прежде чем выйти на улицу, меняю деньги, чтобы было что подать...

От матери мне досталось желание помогать людям. Да и моя собственная судьба к тому обязывает: те 30 рублей, подаренные матери незнакомой женщиной на мое поступление в техникум, остались на всю жизнь как неоплаченный долг...

Верю, Россия встанет с колен

Каждый человек в своей жизни подходит к такому рубежу, когда задумывается: а то ли делал, правильно ли жил? По большому счету, я своей жизнью, пройденным путем доволен. Конечно, если говорить о работе и не брать во внимание личные мои беды. Самое главное для человека заключается в том, какую память он оставляет о себе, каких учеников воспитал.

Так случилось, что нет у меня высоких правительственных наград, наверное, всему виной моя принципиальность, прямота. Всегда я руководствовался интересами людей, делили с ними радость и горе. Следовал принципам справедливости, не терпел вранья, не прятался за чужие спины, и нередко это не совпадало с генеральной линией и требованиями вышестоящего начальства. Ни о чем не жалею. Если бы надо было начать этот путь сначала, прошел бы его так же.

Есть у меня немало учеников, которые не просто помнят меня, но стремятся реализовать в своей жизни и работе те нормы отношений, организации производства и деятельности коллектива, которым я их учил. На стеле в честь покорителей Самотлора есть и имя Рынко-

вого. Жители гг. Нижневартовска, Мегиона, села Братковское оказали мне высокую честь и присвоили звание Почетного жителя. Еще в советские времена присвоили звание Заслуженного работника нефтяной и газовой промышленности, недавно дали Почетного нефтяника России. Это признание людей, их память для меня важнее всего.

Конечно, болит у меня душа за нефтяную отрасль, за то, что из нее сделали, за то, что люди, добывающие для всей страны черное золото, не пользуются причитающимися им благами. Во всем, на мой взгляд, виновато Правительство, допустившее раздачу за копейки материальных ценностей, достояния, которое стоило миллиарды, триллионы рублей и создавалось всей страной. Перемены были нужны, это бесспорно, но мы торопились, тогда как не было создано еще соответствующего правового поля.

Я уверен на сто процентов – если бы был жив Виктор Иванович Муравленко, не дал бы он так расправиться с нефтяной отраслью. Я не против богатых людей. Чем больше будет в России богатых, тем лучше будут жить все люди. Я хочу, чтобы богатыми были все, и, прежде всего, нефтяники.

Верю, что Россия встанет с колен. При тех природных богатствах, которых нет ни в одной стране мира, с талантливым трудолюбивым народом Россия непременно станет самой сильной страной, в которой можно будет с радостью растить детей, пользоваться всеми благами цивилизации. Мне до слез обидно за Россию, это моя сердечная боль. Но она поднимется… И ее рост я связываю для себя с Путиным. Уверен, что и законы начнут нормально работать, и людям дадут условия нормальные. Все наладиться. Один академик как-то сказал, что самое большое счастье – с удовольствием идти на работу и с не меньшим удовольствием возвращаться домой.

Россияне будут жить счастливо.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Как я стал нефтяником
Босоногий мальчишка из кубанских степей 5
Пора взросления 6
Раздел 2. Если надо, значит надо
Первые победы 13
... И первые поражения 16
Почему я выбрал Мегион? 18
Раздел 3. Первая нефть Мегиона
От превой промышленной нефти до создания НПУ «Мегионнефть» 20
Я ехал в Мегион, чтобы испытать себя 21
Большагин – удельный князь Баграса 23
Дисциплина давалась непросто 25
Мой главный принцип – никогда не унижать людей 27
Битва за нефть 28
Паводок 1966-го 31
Как я бегал по воде 33
Если «плачут» резервуары с нефтью 34
Культбудки в Оби 38
Выговор за экономию 39
Раздел 4. Самотлор начинали осваивать мегионцы
Мегион оказался сказкой по сравнению с Самотлором 41
Я и в штабе ЦК не терпел вранья 43
На Самотлоре меня тоже снимали с работы 45
Операция «пробка» 46
От тюрьмы меня спасла случайность (или мое упорство?) 48
Раздел 5. Я верил: город будет
Вернуться в Мегион меня уговорил Арнопольский 56
Как нефтяники Мегиона получили генплан города 59
И начали нефтяники строить город 64
Команда, с которой мы начинали перевод на механизированную добычу 66
Раздел 6. О дне сегодняшнем
В Мегионе начинал, там и буду заканчивать 71
Раздел 7. О самом сокровенном
О матери 74
Верю, Россия встанет с колен 75

5.06.13

057130006
Мегион ЦБ-КО

Отпечатано в ЛГ МУП ИИК «Пресс-Информ ТВ», в соответствии с качеством оригинал-материала.
628672 Тюменская обл., г.Лангепас, ул. Ленина 23а.
Тираж 500 экз.

60р00к

МЕГИОН
2004